

**А Л Е К С Е Й
ШЕРСТОБИТОВ
(ЛЕША СОЛДАТ)**

ЛИКВИДАТОР
ИСПОВЕДЬ ЛЕГЕНДАРНОГО КИЛЛЕРА

Алексей Шерстобитов Ликвидатор. Исповедь легендарного киллера

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7971087

Ликвидатор. Исповедь легендарного киллера: Книжный мир; Москва;

2013

ISBN 978-5-8041-0616-5

Аннотация

«Киллер номер один» – именно так окрестили Алексея Шерстобитова по прозвищу «Солдат». Десять лет его преступления сотрясали новостные ленты. Все знали о его убийствах, но никто не знал о его существовании. Мишенями киллера были крупные бизнесмены, политики, лидеры ОПГ: Отари Квантришвили, Иосиф Глоцер, Григорий Гусятинский, Александр Таранцев... Имел заказ Алексей Шерстобитов и на ликвидацию Бориса Березовского, но за секунды до выстрела последовала команда «отбой».

Предельно откровенная, подлинная история о бандитских войнах, в которых активно участвовали спецслужбы, о судьбах главарей самых могущественных организованных преступных группировок.

«Ликвидатор» – не беллетристика, не детектив, не литературное «мыло», не нудная мемуаристика. Чтение не для сна и не от скуки. Мы никогда не слышали и не читали ничего подобного. С первых страниц «Исповеди легендарного киллера» перед нами разворачивается эпоха в сетке оптического прицела.

Содержание

Эпоха в оптическом прицеле	6
Ликвидатор	10
Книга о страшной жизни	11
Изнутри	34
Наркоманы	71
«Дворман-шоу»	108
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Алексей Шерстобитов
[Леша Солдат]
Ликвидатор
Исповедь
легендарного киллера

*Стилистика, орфография и пунктуация автора
частично сохранена*

© А. Шерстобитов, 2013

© Книжный мир, 2013

Эпоха в оптическом прицеле

«Киллер номер один» – именно так окрестили следователи Алексея Шерстобитова по прозвищу «Солдат». Десять лет его преступления сотрясали новостные ленты. Все знали о его убийствах, но никто не знал о его существовании. Он был фантомом, гением перевоплощения: десятки паспортов, имен, образов... Его злодеяния приписывались другим, в том числе Александру Солонику, бежавшему со спеццентра «Матросской тишины», а потом убитого в Греции «братьями» по оружию. За Солдатом охотились все спецслужбы страны, которые не могли даже предположить, что имеют дело с одиночкой.

Его взяли, когда он отошел от дел, посвятив себя семье и маленькой дочке. За двенадцать доказанных убийств суд приговорил Солдата к 23 годам заключения. Мишенями киллера были крупные бизнесмены, политики, лидеры ОПГ: Отари Квантришвили, Иосиф Глоцер, Григорий Гусятинский, Александр Таранцев... Имел заказ Алексей Шерстобитов и на ликвидацию Бориса Березовского, но за секунды до выстрела последовала команда «отбой».

Это предельно откровенная, подлинная история о бандитских войнах, в которых активно участвовали спецслужбы, о судьбах главарей самых могущественных организованных преступных группировок. Автор не скрывает использу-

емые им методики сбора информации, шантажа, конспирации, подготовки ликвидации... Сцены потрясают жестокостью, достигаемой не смакованием физиологической специфики убийств, а глубоким психологизмом противостояния жертвы и палача. Убийства не ради денег и власти, и уж тем более не убийства ради убийств. Каждое очередное преступление Солдата – попытка спасти от расправы своих близких, сохранить любовь, которая и приводит его на скамью подсудимых.

«Ликвидатор» – не беллетристика, не детектив, не литературное «мыло», не нудная мемуаристика. Чтение не для сна и не от скуки. Мы никогда не слышали и не читали ничего подобного. С первых страниц «Исповеди легендарного киллера» перед нами разворачивается эпоха в сетке оптического прицела. До сих пор подобный жанр был фантазией писателей и сценаристов, примеряющих на себя роль киллеров и палачей: грустные карикатуры или кровавые комиксы. Эта книга низвергает психологов, изучавших сознание убийц и дерзнувших возвести свои заключения в научные истины.

У любого стекла есть критическая точка его разрушающая, найти которую невозможно, можно только случайно наткнуться. В криминальной литературе и психологии подобной точкой обрушения стала эта книга, стирающая привычное представление о жизни и смерти, убийце и жертве, судьбе и фатализме, любви и морали. Это не сопливое покаяние с перехлестом самобичевания и тоски, это не циничная

бравада снайперской виртуозностью и неуловимостью, это не любовные стенания, заметающие кровавые следы на жизненном пути автора. Алексей Шерстобитов холодным рассудком, но с неостывшими чувствами и страстным слогом препарирует собственную судьбу, в бурном зеркале которой отразились поля сражений гражданской войны за социалистическое наследство. «Не плакать, не смеяться, не проклинать, а понимать» – этот философский афоризм предельно точно отражает авторский посыл «Ликвидатора» своему читателю.

С Лешей Солдатом мы познакомились пять лет назад в тюремных застенках, где меня держали по подозрению в покушении на Анатолия Чубайса. Об этом я подробно написал в книге «Замурованные. Хроники Кремлевского центра». В одной камере мы просидели две недели – не долго, но вполне достаточно, чтобы разобраться друг в друге. Духовитый, по-хорошему интеллигентен, спокойный и сдержанный. Внешне он больше походил на отдыхающего, чем на заключенного, над которым нависла гильотина уголовных дел с долгим перечислением жертв, павших от его рук. На тюрьме Алексей много читал: мировая история, философские трактаты, популярная психология, откровения святых отцов. Чтение для него было больше, нежели просто досуг. Шерстобитов словно пытался подобрать ключи, способные открыть смысл собственного бытия, ключи к праведному покаянию.

И вот спустя годы в моих руках оказалась толстенная рукопись, цена которой человеческие жизни, разорванная любовь, годы розыска и безвременье тюремных коридоров. Автор не вымаливает у читателя прощения, хотя инстинктом спасения иногда звучат ноты оправдания. Кажется, что он покорно принимает наказание, презрение и ненависть, которыми щедро с ним расплачивается общество, счастливо видя в том искупление перед людьми и Богом.

Иван МИРОНОВ,

*кандидат исторических наук, член Союза писателей
России*

Ликвидатор

Исповедь легендарного киллера

«Посвящаю тому миллиону, который не дожил до прочтения этой книги, вымостив своими жизнями дорогу тем, кто хотел жить “лучше богов”, и тем из нас, кто выжил, но мечтает о свободе и семье – наконец-то осознанных настоящих ценностях. Чтобы помнить».

У каждого человека, от рождения, свой путь или своя дорога, упирающаяся в неизвестность. Моя такая – через судьбу свою и моих близких, через чужие жизни, несчастья и слёзы. Боль, причинённую мною, искупить нечем, а, в большинстве случаев, и не перед кем... Но и в таких случаях для каждого человека есть выход – начать свой Анабасис к покаянию¹.

¹ Анабасис (греч. Ἀνάβασις, «восхождение») – первоначально, военный поход из низменной местности в более возвышенную, например, с берега моря внутрь страны. В современном смысле – длительный поход воинских частей по недружественной территории.

Книга о страшной жизни

Начатая в первый день недели

о Страшном Суде 27.02.2011 г.

Сравнимо ли одиночество человека, волею случая (в случайностях, впрочем, я давно разуверился) ставшего профессиональным убийцей, с одиночеством обычного человека? Насколько можно разбавить его или, привыкнув, не желать более никого в своем обществе?

Скажу, судя по себе и по тому, что читал или слышал: лишь книга (но никакая не беллетристика, а книга, заставляющая думать) может заменить собеседника, хотя, порой, и здесь не обходится без лжи, привыкнуть к которой от близких, да и от посторонних, так и не смог.

Из книг, которые создало человечество, самые замечательные, на мой взгляд, произведения об истории (в особенности, написанные ее участником). Многие, не признающие эту науку, никогда ей не увлекались и слышали о ней лишь краем уха. Увлечение, охватившее меня, разумеется, на бытовом уровне, ибо языками первоисточников я не владею и общения со светилами и артефактами не имею. Даже в таком ракурсе складывается точка зрения, благодаря которой любой может вступить в полемику с учёным, хотя бы в виде диалога «про себя». Со временем, как одно из полезных по-

следствий, начинают проследживаться некоторые закономерности в жизни государств, городов-полисов, наций, политических деятелей, вождей, воителей, да и просто лиц, выделившихся из общей людской исторической массы. А ведь каждый из нас играет собственную роль, пусть даже винтика или гаечки, и дело совсем не во взаимосвязях, не в единстве и слитности, и даже не в Божьем Промысле, а в понимании этого самим человеком, причем понимании ежеминутном! И в совмещении мировоззрения и восприятия человека того времени с мировоззрением и восприятием человека сегодняшнего, о чём мы вообще редко задумываемся, просто останавливаясь на фактах и эмоциях.

«Почему я так делаю?» – задаем мы себе вопрос. – «Да потому что должен так делать, и пусть будет, что будет». Эту фразу: «Делай что должен, и пусть будет, что будет», – всегда говорил себе человек, понимающий своё место в обществе или группе, свои обязанности, имеющий честь и совесть, дорожащий близкими и любимыми, жёнами, детьми, родными. Такие, казалось поначалу, просто текущие мысли, требующие расшифровки и дополнения, занимали мою голову, пока этот процесс не прервал телефонный звонок. Я уже дошёл до той стадии профессионального отношения к жизни, когда все внешние внедрения в моё существование очень сильно напрягали, потому что всегда несли какие-то последствия.

Мне никогда не нравилось УБИВАТЬ. Но гордыня всегда довольна, когда человек переступает что-то для него запре-

дельное, и лишь объясненная себе необходимость, а точнее – неизбежность этого даёт среди всего негативного и кое-что положительное, скажем, от окончания долгой, кропотливой, опасной и неприятной миссии. Но эйфория от достигнутого успеха проходила сразу, с окончанием восторгов, похвал и признания заслуг перед «профсоюзом», хотя бы потому, что за этим часто следовал вопрос: «А что с другими?» (ибо работа редко велась по одному, чаще либо по группам, либо по нескольким разным персоналиям одновременно). И каждый раз, на фоне такого чёрного осадка, я понимал, что это сумасшествие, даже с финансовыми льготами и предоставлением полной свободы действий и выгодами, нормальный человек долго вынести не может.

В трубке – голос Григория (единственного на тот период человека, которому я подчинялся). Любопытная и непростая карьерная лестница подняла его очень быстро с должности «лифтёра» – гэбэшника в стратегической подземке, разрезавшей подбрюшье Москвы, с тоннелями для спецтранспорта от Кремля до периферии, – с плавным переходом «кое-куда», подписанием «кое-чего», и волшебным, почти «вдруг», перевоплощением из сотрудника КГБ в звании старшего лейтенанта в братка «ничего себе бригады». Конечно, не сразу в первых лицах, но уж точно на день этого звонка «Гриши Северного», близкого «Иваныча», след которого пытались обходить, а при появлении уступать, либо, в противной ситуации, идти заказывать гроб, чтобы не почить в брезенте

или целлофане в месте неизвестном или болотистом.

Голос нашего «главшпана» был уставший, но довольный. Он любил себя и знал себе цену. И, разумеется, ошибался, потому что не был так терпелив, как я. Его явно что-то беспокоило, и помочь ему, по его словам, могло только моё появление.

Наверное, была уже глубокая ночь, когда я снимался с «точки» далеко за полночь. В тёплое время темнеет поздно, да и народ суетился в нужном месте дотемна. Хотелось есть, спать и ещё чего-нибудь (этого хотелось всегда на «нерве», но возможность была крайне редкой, притом, что душа лежала только к одной, избранной, именно поэтому за неё и боялся – она была единственным слабым местом, в которое обычно бьют в первую очередь, хотя наказывать меня было пока не за что, а устранять рано.

В гостях, как всегда, чай был крепкий, сахар сладкий, выпечка дорогая и свежая, а хозяин важен и конкретен до напыщенности. Внимательно слушая и с наслаждением поглощая предложенное («дома» свои одиноко поедаемые сосиски, с зеленым горошком и яйцом, всё же не столь гурманская пища). В начале разговора, тоже как всегда, стратегические направления: «Иваныч» очень доволен, просит встретиться, как будет время, хотя свободное время – недопустимая роскошь... и так далее. Подчинённые балбесы разболтались, но Олег (Пылёв) держит их в ежовых рукавицах, а Андрюха (его старший брат)... Впрочем, он всегда был в тени

и за это я его понимающе уважал.

Суть: есть «коммерс» с охраной, на встречи приезжает, но упирается в принятии необходимого решения. Надо испугать. Охрана – то ли бывшие, то ли настоящие служаки. Григорий, разумеется, всех карт не раскрыл, но и свободы в выборе исполнения поставленной задачи не урезал. На размышление дал времени до утра, подчеркнув необходимость присутствия чего-то экстравагантного, отличного от привычного. День «Д» – через день, впрочем, как всегда. И почему я «Солдат», а не «Пожарный»? Забрал причитающиеся деньги (на тот период – три тысячи долларов) денежного месячного содержания и поскакал на «наш» сервис проверять готовность своего автомобиля, как оказалось, предмета необходимого, незаменимого, и сильно переоборудованного. Всё в порядке, теперь «домой» – в очередное временно-съёмно-условное пристанище.

Петляя и «проверяясь», дважды проехал по набережной Лефортовского парка, обратил внимание на забор, на столбах которого наверху были цементные шары величиной в человеческую голову, что показалось неплохой будущей мишенью. Остановился, определяя с позиции «цель» возможную позицию стрелка. Последних оказалось масса, и все удобные. Большинство – безопасные, но в 90% для стрельбы из автомобиля. Отметил про себя точку, на сей раз, просто выбирая место для встречи Григория с оппонентом, с возможным удобным для меня контролем этого мероприятия

(в мои обязанности, в том числе, входило обеспечение безопасности моего шефа).

Одним стрелком, понятно, не обойдется, если «стрела» будет массовая, но зато те несколько, которых можно собрать, будут иметь возможность работать, не задумываясь друг о друге, отработывая каждый свой сектор – задача простая и обезличенная. А машины – дело наживное. Проблема лишь со стрелками и с их умением действовать в подобных обстоятельствах, но вопрос об их поиске сейчас не стоял и не встанет для меня никогда.

Определил своё местоположение, понятно, не самое лучшее и не самое рациональное, чтобы не попасть на контрмеры. Набросал схемку и через час уже дрых... Через 4 часа ехал на постоянное, до сегодняшнего дня, место «работы», по ходу встретившись со своим архаровцем, отдавая ему прослушанные кассеты, забирая новые. В день мы, я и три моих человека: двое ГРУшников-технарей и один бывший капитан – пожарный – обслуживали в среднем пять точек съёма информации, в основном, домашних телефонов. Работа, хочу сказать, не аховая, но нужная, хотя и без сразу видимого результата, которая была лишь одной из составляющих моих обязанностей. Единственный, видимый сразу результат – финансовый. И этот стимул расслаблял ребят всё чаще и чаще. Дисциплина была, но, как любой чрезмерно напряжённый процесс, иногда обрывалась.

Встав на точку, занимаешь позицию, в данный момент

необходимую, с задачами: почти всегда слежка, опознание, определение манеры поведения, а работа по цели – это редкое негативное исключение, требующее от меня нечеловеческих усилий в преодолении моральных границ, что так и не вошло в привычку.

А сейчас – видеообъектив с мощными зеркальными линзами, выводящий изображение прямо на видеодвойку, с возможностью покадровой, замедленной и обычной записи. Для 1994 года – это круто.

Пока глаза выискивали, находили и сравнивали, слух воспринимал диалоги всех, кого записали «жучки»: от бабушек-дедушек до супругов, любовников, детей, прислуги, водителей и до других, интересующих нас по разным причинам граждан, находящихся на разных уровнях положения в обществе, иерархии, разных сферах интересов, будь то домохозяйки, бандиты, коммерсанты, проститутки и депутаты. И, конечно, их родственников, чья телефонная болтовня, как всегда, помогала находить искомое. Почти всегда и везде присутствовали супружеская измена, обман, осуждение и другие людские пороки, которыми мы все, за редким исключением, страдаем. Чем ближе к двухтысячным годам, тем чаще наркомания и самоубийства. Но не это интересовало, а поиск людей, и еще больше – информация, бесценная в своей своевременности.

Прослушав все кассеты, нужное отметив и переписав, жуя при этом очередную сухомятку типа сникерса, как всегда,

я полностью отдался анализу... Искомое лицо появилось так же неожиданно, как и помпезно – две легковушки, четыре охранника, действия быстрые, чёткие, последовательные и предупреждающие, не оставляющие и тени возможности что-либо предпринять хулиганам или любителям. Сразу видна возможность подключения, в случае необходимости, административного силового ресурса одного из известных ведомств. И всё это крутится вокруг невысокого человека в очках, которого явно от происходящего распирает. В любой охране можно найти прорехи, тем более их много в подобной, где люди понимают, и, соответственно, ориентируются на то, что нравится боссу, в кажущейся суете подстраиваясь под него и его желания, а так же под своего начальника по служебной лестнице. В подобных случаях желание остаться на хорошо оплачиваемом месте уступает профессиональному долгу. Деньги деньгами, но вот солому им стелить никто не будет.

Вход и выход запечатлены, теперь домой – изучать.

В голове, то вместе, то попеременно, крутится куча мыслей. Я знаю, что когда-нибудь она сложится в полную картину, и с азартом добавляю в эту массу вновь добытую информацию.

Еду к Грише с уже готовым планом, проезжая набережную с лефортовскими шарами-головами, представляя, как русский человек эпохи правления Анны Иоановны и бирюзовщины не преминул бы поставить вместо шаров бюсты

пруско-курляндских приспешников. А при восшествии на престол «через» Иоана Антоновича и представителей всей Брауншвейгской семейки – и посшибать их булыжниками с превеликим удовольствием...

Намедни, ещё побывав здесь ночью, возвращаясь от Григория, нарисовал маркером смешную морду на побелке шарика-мишени. Сейчас, на другой стороне набережной, на бордюре, среди кучи машин, спрятанный потоком разношерстных автомобилей, высматриваю шефа и того, кого он притащит на инъекцию. Вчерашнее предложение до того ему понравилось, что было доложено «Сильвестру» (погиб при подрыве автомобиля на 3-й Тверской-Ямской улице в 1994 году), разумеется, по его (Гришиному) почину, и сегодняшнее исполнение должно произвести фурор. Но об этих подробностях я узнаю позже.

Сейчас же белый Мерседес-бенц Григория прибыл на секунду позже таких же шикарных драндулетов своего оппонента – вчерашнего мужчины в очках. Создавалось впечатление, и оно пока так и инсценировалось, что мой шеф один, в сопровождении своего водителя, Сергея «Полпорции», с гордостью оправдывающего свою дразнилку, важно и беззаботно шествовали к месту встречи в гордом одиночестве. Но оба конца набережной прикрыты нашими парнями – с одной стороны «собачниками», с другой «мойщиками машин», с ведрами и тряпками.

Уверенность «штемпа» монументальна, но, как бы он ни

парировал, лёгкая улыбка с налётом некоторой озабоченности от предстоящего не сходит с лица идущего рядом высокопоставленного бандюгана. Мощная фигура, покатые трапеции, несущие на себе цепь толщиной с большой палец и увесистый крест с распятием, дополняют часы, перстень и браслет. Всё щедро пересыпанное драгоценными камнями, оттеняющимся ослепительно белым костюмом и вальяжной распальцовкой, не оставляющей никаких шансов для успеха коммерсанту. Но только внешне чего-то не хватает.

Они уже пару раз прошли под выбранным мною шаром с мордашкой, весело подмигивающей предстоящему и вызывающей у осведомлённых истерический и непонятный пока для собеседника хохот. Третий, решающий, и должен вызвать остановку. Но шеф должен быть справа, а будущий соратник по бизнесу – слева, ближе к забору, иначе куски бетона от попавшей пули полетят не в того, кого надо. Места заняты. Ещё важная, заранее обговорённая мелочь – в момент выстрела Гриша должен смотреть, не моргая, в глаза «кролику», изображая из себя удава. Очки от солнца касаются носа и ложатся на переносицу, открывая глаза – это знак к действию. Как он долго это делает... Явно переигрывает и затягивает, я уже почти полминуты не дышу и поглаживаю позолоченный спусковой крючок «Браунинга». Вокруг никого, траектория полёта пули выше любой машины, двигающейся в потоке, отход свободен. Комочек собирается от щитовидной железы в направлении паха, концентрируясь холо-

дом ниже солнечного сплетения, но пульс не торопится, а сознание говорит: «Всего-то дел». Мягкое усилие фаланги пальца, толчок в плечо, отзывающийся на половине морды цементного шара со стороны очкарика и давлением на мои уши от выстрела в замкнутом пространстве. Вид согнувшегося человека, хватающегося за своё лицо, – всё осталось в памяти с осадком удачно выполненной задачи. Задуманное удалось, цели достигнуты. Но сегодня я спокоен – ведро воды приведет пострадавшего в чувство, а на легко посеченном осколками цемента лице не останется даже шрамчика. Охрана получила урок вперемешку с тумаками и полную отставку, с заменой на наших и других милиционеров – ЧОПовцев. Гриша получил порцию адреналина, а я опыт и успокоение: если бы этот человек не сдался, то в следующий раз в прицеле оказалась бы уже его голова, не поддающаяся ремонту, в отличие от шара. Не знаю, что для каждого из нас, участников, оказалось бы лучшим, но сегодняшним днём все остались довольны.

* * *

Кстати, на вчерашнюю точку я получил отбой и выиграл себе целых два выходных – второстепенных дел накопилась масса, но я ни о ком и ни о чём не хотел так думать, как о ней. Но это совершенно отдельная история моей жизни, другое поле. Где, как оказалось, так бывает, встречаются мужчина

и женщина, играющие друг для друга роковую роль. Скажу лишь, что для себя уяснил – встреча с роковой женщиной, как встреча с паровозом, только большее. Здесь не бывает чего-то наполовину, и, если выбивается искра, то сразу ранит сердце, навывлет. Здесь буйствуют страсти в бурных, необузданных характерах, где счастье не просто сменяется страданием, но сталкивается, как ядро с ядром в воздухе. В тяжкие минуты вы не удовлетворяетесь общепринятыми нормами и желаете обладать полностью не только телом и духом, но и душой и даже мыслями.

Впрочем, в первую очередь, желание не только подчинять, но и подчиняться равным образом безоглядно и безрассудно. Тому, что происходит между вашими сердцами и характерами, завидуют и об этом читают. Такая жизнь перенасыщена, но удовлетворение не приходит – всегда мало, ибо в обоих людях есть что-то, что постоянно вырабатывает узконаправленное либидо, с притяжением и, одновременно, отталкиванием и статическим напряжением емкости невменяемой! Вы не можете смириться с тем, что всё это было и есть, вам даже мало, что это будет! Успокойтесь лишь на время, когда ударит очередной «разряд молнии» и швырнёт вас в объятия друг друга, но это расслабление больше похоже на нечто кипящее, но ещё не булькающее, а потому не явно обжигающее. По всему телу растекается тепло с ощущением силы Геракла, способной для любимой переломить всё, даже земной шар. И достаточно маленького нежного прикос-

новения или слезомётной улыбки милых глаз, и ты действительно бежишь половинить этот шарик. Не дай Бог заметить этот взгляд, остановленный на ком-нибудь другом – больших сил стоит удержаться. Не играйте с такими чувствами и такими людьми, потому что невозможно сдержать разрушительный поток, не оставляющий ни людей, ни воспоминаний о них в случае случайной, а то и вовсе не замеченной измены. И смешны люди, видевшие его зарождение и побоявшиеся быть им увлеченными, ибо кичатся так и не проявившимся, возможно, самоубийственным мужеством, но тешащие себя воспоминаниями об адреналиновом порыве в рассказе с очередной дамой.

Лёжа рядом с сокровищем своего сердца, я думал: а много ли я могу ей дать? Конечно, больше, чем ей сейчас нужно. Сейчас – просто, чтобы был рядом, но даже это, на сегодняшний день минимальное условие, не всегда возможно. Иначе быть бы всем гениями и поголовно счастливыми. А на поверку сегодняшнего дня я элементарно не мог быть её мужчиной, хотя бы потому, что не имел ни фамилии, ни прошлого, ни будущего, а только эти полтора дня и те короткие встречи, не уходившие дальше машины, ресторана или номера в отеле. Парадокс – боясь её потерять, я не обладал ею вовсе! К тому же, на тот период, теоретически я был женат и имел сына, хотя фиктивно разведён.

Сидя в каком-нибудь очередном сугробе или в машине у подъезда, опять выжидая и слушая чужую жизнь, убивая

свою, всё мучаясь над вопросом: правильно ли поступил я тогда, выбрав жизнь чужого человека в обмен на безопасность семьи и свою жизнь, в принципе, и по сей день, остающихся в том же ненадёжном положении, и никогда не находил подходящего ответа, которым бы остался доволен. Тот же самый вопрос стоял и сейчас. Не первый месяц, а потом и многие годы, терзаясь и взвешивая: имею ли я право любить и быть любимым? Казалось бы, в своё время произошедшие перемены всё расставили на свои места, пододвинув к самой границе окончания жизни, дав явно понять, что любовью, оказавшийся рядом, духовно и физически погибнет. В те дни и сделал выбор, кажущийся для многих непонятным и непоследовательным. Но это был единственный вариант вырваться из замкнутого и порочного круга. При удачном исходе я всё равно оставался один, оторванный ото всех, но предоставленный сам себе, без семьи, любимой женщины, и совершенно белым листом в книге своей жизни.

Сложившиеся обстоятельства давали небольшую возможность, но она проходила кровавой чертой через жизнь человека, направившего мою жизнь своими желаниями власти и денег, в поток пассионарного всплеска начала 90-х годов, поток буро-красного цвета, к окраске которого я приложил руку. Нелюбовь к этому человеку затаилась и ждала... Это не месть, но шаг ответный, рождённый страхом невозможности вернуться в прежнюю жизнь, невозможности быть спокойным за своих близких, которыми он меня периодически

шантажировал – не так, чтобы пугал или предупреждал, а наоборот, чтобы не обидели. Но игра была тонкая, а связь с жизнью – очень слабая, как и грань, разделяющая дозволенное и недозволенное, законченное и незаконченное, злое и доброе, хорошее и плохое, а эталон этому распознаванию – голос совести, звучание которого известно не каждому из нас. Хотите пари? Пожалуйста, у меня было много времени, как и много примеров.

Вспомним каждый о себе: дрался каждый мужчина, а ведь многих за это судят, нужно только заявление пострадавшего в органы. Налоги – вообще больная тема, а ведь в США это самое страшное преступление. Вот теперь представьте: пришёл юноша домой после срочной службы в армии, чем заняться? В начале 90-х податься было некуда. Сил – хоть отбавляй, энергии – масса, запросы есть, а возможностей нет. А здесь в каждом дворе пацаняки на крутых тачках о сладкой и настоящей жизни рассказывают и, что важно, являются её наглядной рекламой. Раз попробовал, два – ничего вроде бы не делал. Кому-то что-то грубо сказал; там с сотоварищами что-то загрузил, увёз; в другом месте – массовка на какой-то встрече, где всего-то в машине посидел; поучаствовал в какой-то драке – эка невидаль. Какой-то долг помог кому-то забрать, да и, кажется, сами отдали, а в результате – премия!!! И всё это с подарками, босяцкими подгонами – кожа, перстень, крестик, браслет, первая машина, а «респект и уважуха» нереальные.

Человек пять таких идёт, а народ расступается... Правда, старшенькие строго-настрога приказывали гражданских не трогать, – и почти не трогали, хотя всяких примеров была масса. Страдал, в основном, бизнес и нам подобные, оканчивая кто на погостах, лесных и безлюдных, кто на кладбищах «с помпой» на последнем пути и обещанием оставшихся в живых отомстить и поддержать родных, что, впрочем, почти всегда забывалось через год-два. Ездит такой паренек, совершенно точно понимая, что особо ничего не делает из того, за что наказывает закон, а если подобное и случилось, то, наверняка, откупят. Вот первая предтеча – ствол. Тут бы задуматься... Ан нет, кто из мальчишек о нём не мечтал! Вороненый, красивый, строгий, brutальный, заставляющий дисциплинироваться смелых и сильных, а слабых и трусливых – чувствовать себя выше других, ибо Господь Бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными. Мужчину оружие заколдовывает, парализует и конкретизирует. Тот, кто держал принадлежащий именно ему ствол в своих руках, поймёт меня, если я сравню это с ощущением осязания груди любимой женщины. Но если прелести и отношение к ним в силу привычки (не в обиду женщинам) и со временем меняется, то отношение к оружию – никогда.

Когда обнимаешь рукоять, поглаживая спусковой крючок, ощущая мягкую холодность пистолета или тепло ложа винтовки, кажется, что родился с этим ощущением будто родного предмета, но почему-то, при первом вздохе, был раз-

лучён с ним. Я даже поначалу удивился, когда, много позже, наблюдал за действиями присяжных заседателей на своём втором судебном процессе, когда представители следственного комитета и оперативные сотрудники МУРа вносили и раскладывали горы принадлежащего нам когда-то оружия. Блеск глаз, улыбки, восторг шепотом произнесенных фраз и, наконец, лавина рук, после разрешения подержать какой-нибудь экземпляр. Эти замечательные люди, а некоторая часть из них – женщины, может быть, никогда и не задумывались о притягательности созданного человеком для уничтожения себе подобных. Но, получив возможность прикоснуться, окунулись в это с детским восторгом, даже при том, что тут оружие было чужое, и всё-таки шло заседание суда.

Забегая вперед, скажу, что благодаря этим людям, всем двенадцати, хотя за снисхождение проголосовали лишь семеро, которые, волей-неволей, дали мне возможность второй жизни, 24 сентября (день вынесения вердикта), я считаю своим вторым, если не первым, с точки зрения дарованной жизни, днём рождения. И, читая каждый день утренние и вечерние молитвенные правила, я обязательно произношу их имена, с сопутствующими словами о здоровье и долголетию. Очень надеюсь оправдать их доверие.

Продолжу. Больше того, скажу, что хороший стрелок лишь тогда добьётся успеха, когда воспримет своё оружие, как живую ткань с душой и будет обращаться с ним, как с

любимой женщиной, зная и чувствуя каждую выпуклость и ложбинку, подстроившись к мелодии, присущей только этому стволу. И прозвучит песня, финал которой будет либо печальный и грустный, либо... Но ведь и палка, висящая на стене, раз в год стреляет.

Поддавшись этому воздействию, молодой человек – а он не только молодой, но и неопытный, жаждущий познать мир и показать этому миру себя, – и не поймет, как произойдет дальнейшее. И, что особенно важно, ему обязательно подскажут и подтолкнут, но так мягко и завуалированно, что он и не заметит, как встанет перед выбором, так и не почувствует, что именно в этот момент уже преступил границу. Сколько молодых людей находилось, находится и еще попадет в такие ситуации! И лишь несколько вопросов, заданных на допросе в конце карьеры, на которые вы, возможно, отвечать не станете (да это и не обязательно – в ОПГ в любом случае найдётся кому ответить): «Знаете ли вы этих людей?»; «Ствол Ваш или общий?». И стоит ответить на последний: «Общий», – и 222 статья УК РФ резко перескакивает на 222 под эгидой 209 (бандитизм), а это уже – от 8 до 15 лет строгого режима. Ещё привяжется какая-нибудь статейка: шантаж, нанесение тяжких телесных, грабёж, кража, не дай Бог – убийство, да и мало ли в УК тех действий, что описаны и инкриминируются, и тех, о которых мы никогда не думали, как о преступлениях.

И ещё хорошо, если группировка не возглавляется

людьми, которые считают фильм «Крёстный отец» руководством к действию, но понимают его, как предупреждение, и смотрят, как вечно повторяющуюся драму, как и великие «Однажды в Америке», посвящённые не пьяным блатным разгулам с морем водки и женщин, но памяти тех, кто не смог противостоять соблазнам или совсем поздно разглядел их, не найдя других ступенек к возвышению. Вам, юноши и мужчины, и вашим родственникам посвящается...

В лучший, бестолковый расцвет нашего «профсоюза», нас бывало от 60 до 100 человек, при Грише «медведковские» усиливались то «подольскими», то «климовскими», то «лианозовскими», то вообще «нибудь-каковскими».

Суд – еще не самый плохой вариант конца «хозяина жизни», как тогда многим казалось, как это ни ужасно, потому что 18 из 57 постоянных членов до суда не дошли. Это не потери разборок между бандитами или войны с окрепшими в своё время милиционерами и потихонечку заместившими нас во многих отраслях жизни и экономики. Пардон, это не про всех, хотя победителю и шампанское. И сразу замечу (ну не могу не съязвить): «Овладевают многие, удерживают единицы», а на чужом опыте, как известно, мало кто учится.

Эти 18, возрастом от 18 и старше, ушли в мир иной, не успев попрощаться с родными и близкими, и о себе, в большинстве своём, дали знать родственникам лишь после эксгумации на следственных экспериментах в лесах и озёрах, бережно, но надёжно упакованные туда руками своих же со-

ратников. Впрочем, позже часто деливших ту же участь. И никто из нас и вас не вправе осуждать, ни разу не побывав на их месте, где единственный шанс отступить приводил в ту же яму! На одном из судов мать одного из троих друзей-одноклассников, двое из которых «закопали» третьего после похода в ресторан, совсем ничего не предвещавшего, плакала без злобы, но сожалея об их судьбах и моля суд о прощении убийц своего сына, которые с первого класса были ей как родные. Душили и закапывали, один со слезами, другой молча, не оборачиваясь на контролирующих этот процесс в прямом и переносном смысле, хотя и те и другие не совсем понимали, зачем это делается! Объединяла их одна лишь мысль, стучащая в висках: именно она трусливо грела душу и ещё держала на ногах тех, кто не совсем «заморозился», обретя взгляд «снежной королевы», присущий переступившим черту и впавшим в зависимость адреналина, экстрима и запаха смерти, ставшими современными берсерками среди спецов, либо спецподразделений, либо в командах под руководством главшпанов. Мысль эта: «Слава Богу, сегодня не я!»

О таких показательных казнях я знаю по красочным рассказам, по материалам уголовного дела и примерам, просто приведенным из уст либо исполнителей, либо близких к Грише, либо, впоследствии, к братьям Пылёвым и Осе, в надежде вызвать этим встречное уважение.

Я рад, что никогда ни в чём подобном не участвовал, имея

возможность увильнуть, хотя бы только предчувствуя подобное. Крови «своих» на мне нет, хотя имеющаяся ничуть не лучше. Правда, начиная своё «восхождение», я был уверен, что участвую в войне, отстаивая своё, защищая или мстя за товарищей, что было мне близко по армии. О, слепая наивность! А скорее всё же попытка оправдать себя перед самим собой, хотя тогда казалось именно первое, особенно после участия в первых похоронах «бойцов» дружественной группировки, прошедших если не по-царски, то по-княжески, с обещанием найти и уничтожить, а найдя, вроде бы уничтожили, и вроде бы что-то предотвратили для оставшихся в живых.

Все эти примеры воздействия на массы лежат, пылясь на книжных полках, преподаются в вузах, перечисляются в беседах и имеют практическое применение даже у людей, не понимающих, что они делают – на уровне интуиции и подсознания. И для перманентного и результативного их действия необходимо только одно – *дисциплина!* Железная, кровавая, и никого, кроме 3–5 избранных не жалеющая. Впрочем, и забывшийся из этого пятиначалия легко может попасть под каток, который сам же поддерживал. Я несколько раз проходил уровень, где ясно ощущал валик этого настроенного механизма на своей шее и, непонятно как, избегал последствий. Кстати, в большинстве случаев не из-за себя самого, так как моей защитой часто служили жесткая самодисциплина, замкнутость, подчинённость только одному че-

ловеку, продуманная предосторожность и, соответственно, постоянная чья-то сильная заинтересованность в моём профессионализме.

Много можно рассуждать, разглагольствуя о винах, об их признании или не признании, о наказании справедливом или наказании «не за своё», но... сколько веревочке не виться – конец будет, а винить, кроме себя, некого! Только страдают и мучаются потомки до четвёртого колена, то есть дети, внуки и правнуки – те, кого ты любишь и будешь видеть до конца своей жизни, если она удастся длинной. Укоры отразятся не на тебе, а на них – за тобою содеянное. И есть только один путь исправления этого – ПОКАЯНИЕ, что есть не только признание и осуждение содеянного, но и обратное действие.

Никто, никогда, ни при каких условиях, не убедил бы меня в том, что я, потомственный офицер, сделаю когда-нибудь небольшой, в принципе, но огромный, с точки зрения морали и закона, шаг и превращусь из военного, обязанного по долгу службы убивать, и убивать в соответствии с законом, как бы это парадоксально ни звучало, в человека, который делал это незаконно, уничтожая тех же самых людей. Понять это можно, но оправдать – едва ли. Тем не менее, чтобы иметь право субъективно осудить, необходимо встать на место тех, поступки которых собираешься разобрать на маленькие кусочки. И не просто стоять рядом, знать доподлинно, как это было, а именно встать на место, что невозможно. Вжиться в того человека, с его чувствами, страха-

ми, переживаниями, характером, ситуациями, с людьми его окружения и их взаимоотношениями и т. д. и т. п. Ибо люди даже супружескую измену воспринимают по-разному: мол, одно дело – я, другое – ты. Но, когда начинают оправдываться, атакая, и речь заходит о предрассудках, то понимаешь, сколь глубоко мы пали, и насколько слепы в своих, уже почти оправданных обществом и законом, заблуждениях, не видя чужую боль, но отгораживаясь и защищаясь от своей.

Не нужно нас оправдывать, не нужно понимать, просто вспомните себя и попытайтесь посмотреть другими глазами, взглядом изнутри. Не пугайтесь, если заметите много общего, или начнёте переживать, о чём-то жалея. Не старайтесь отгонять мысли, поняв, что разница между нами настолько невелика, что каждый из нас – это каждый из вас, лишь сделавший в своё время на полшага больше из-за невозможности устоять или не разглядев, где нужно остановиться. В этом нет вашей заслуги, но есть наша вина. Как говорили римляне: «От Капитолия до Тарпейской скалы один шаг».

Изнутри

Всё началось в спортзале бомбоубежища у метро Медведково. Тогда это было элитное место по сравнению с залами в подвалах или ФОКах – это был монстр с обычной ценой и серьёзными парнями, с барной стойкой и предложением белковых коктейлей, которые предлагал крепкого, брутального вида, уже немолодой, за пятьдесят, мужчина, отвечающий на любые вопросы, которые могли интересовать человека, приходящего в этот зал. Это был очень хороший человек, бывший спортсмен, по совместительству – учитель физкультуры и, в некотором смысле, связующее звено. По стечению обстоятельств, несколько позже он преподавал в школе, где училась моя замечательная сестрёнка, оставив у неё хорошие воспоминания, как и у всех, кто когда-нибудь с ним сталкивался или был знаком, и звали его Виктор Васильевич...

Посещал я это место ещё будучи офицером, оставляя в раздевалке форму с лейтенантскими погонам, и тогда же перезнакомился со всеми. Род занятий и деятельность каждого из нас никого особенно не интересовали, поскольку было общее, всех объединяющее – силовые тренировки. Моя же профессия определялась по обмундированию и, наверное, по приметной выправке.

91-й год ознаменовался вынужденным уходом от дела всей жизни, при сокращении нашей армии с 2 150 000 воен-

нослужащих до 1 250 000. Шанс остаться был, но неприемлемый с точки зрения военной этики и финансового положения семьи: супруга на сносях, а обеспечить ее хотя бы необходимыми продуктами невозможно. Перед подобным выбором находились миллионы, и это было бы обычно, если бы в дополнение не образовавшаяся неприязнь к военным и к форме вообще сразу после победы «демократии» над ГКЧП. Власть народа на поверку оказалась анархией, плавно перетекающей в анархию в верхах, а после – в олигархию.

Итак, я оказался лицом к лицу с одурманивающей действительностью со своей наивностью, так как большинство офицеров именно наивны – из-за замкнутости коллектива, места проживания и службы, узости потребностей и некоторой обеспеченности, как считается, всем необходимым государством. В начале моей карьеры так и было, до известных событий.

Гражданский мир оказался несколько другим в сравнении с привычным, и правила жизни, которые я впитал с молоком матери и укрепленные в училище и на службе, никак не состыковывались с окружающей меня теперь обстановкой. Для начала я устроился в личную охрану – подготовка позволяла, врожденная дисциплина и привычка к ответственности только укрепляла уверенность в правильности сделанного выбора, а денежное содержание, в три раза большее получаемого ранее, позволяли иметь всё необходимое. Спать приходилось мало, по 4–5 часов, тренироваться за полночь, а быть

на работе к 6.30. Однако получалось решать все проблемы и даже отбиваться от наездов со стороны предлагающих «крышу». Моей опекой мадам-режиссёр, снявшая пару фильмов, и её муж-коммерсант были довольны, начали считать меня и моего напарника неотъемлемой частью интерьера и даже где-то небольшим кусочком их семьи, тогда как своей я почти не видел. Всё моё общение с женой и только родившимся сыном заключалось в стирке и полоскании пелёнок совсем поздней ночью (памперсов тогда еще не было). Выходной – один день, из-за которого господам Плуховским моя зарплата и показалась чересчур высокой. В результате наше терпение лопнуло, и мы ушли «в никуда», которое, по стечению обстоятельств, оказалось «Центральным домом туристов» – известное ЦДТ на Ленинском проспекте при пересечении с ул. 28 Бакинских комиссаров. Для меня же лично это обернулось местом человека, отвечавшего за порядок и безопасность во всем заведении со всеми примыкающими ресторанами, магазинами и фирмами, арендующими здесь офисы.

Со временем под моим замечательным руководством стало работать 60 человек: 45 официальных охранников и 15 неподдающихся описанию беспредельных морд, которые безгранично поглощали всё съестное и подбирали всё плохо лежащее, порождая проблемы, вытекающие из повышенного самомнения и безнаказанности. На самом деле никто из гостей отеля был не в состоянии создавать неудобства, которые с лёгкостью производили эти молодые люди. Верховодил

ими племянник человека, через которого я попал на это место – Левон, директором гостиничного комплекса тоже был его родственник. Но всё было не так плохо, за исключением моего опять урезанного времени появления в семье, хотя денег стало больше. Конечно, я находился под воздействием старомодного воспитания и шёл напролом с уверенностью в своей правоте, хотя представления не имел, куда и как в этом бизнесе ходят. Это сейчас понятно, что с точки зрения того времени, нужно было просто «прикручивать» весь комплекс с двумя ресторанами, двумя барами, валютным магазином, баней, бассейном, кучей номеров и подземными гаражами. Но, пока я там находился, не сделал этого сам и не позволил другим. Солнцевские собирали лишь дань с таксистов, внутрь даже не заходили. С одной стороны, глупо конечно, а с другой – не так ли должно быть? Опыт рос, мировоззрение прирастало, хотя стержень так и не поменялся до сих пор. Там были первые «стрелы», разборки и, вместе с ними, приходящее понимание сложности и многоликости этого нового для меня мира.

Оказалось, что не так просто понять, где свои, а где чужие, и главное – кто опаснее. Я открыл для себя, что проститутки и бандиты – тоже люди. Порой – не хуже, во многом – честнее и открытее, нежели окружающий их персонал. А «вор в законе» Тамаз с его окружением по-прежнему живет понятиями, которые существуют в местах, не столь отдалённых. Но вот парадокс – эти два мира принимали для него

общую плоскость, по которой он передвигался комфортно, с престижем и должным уважением как к себе, так и к окружающим вообще. И его заслуга в том, что мы придерживались обоюдного нейтралитета, не залезая на территорию дел друг друга. Чуть позже меня посетила мысль, что если бы люди, находящиеся в креслах сильных мира сего и власть имущих, обладали такими качествами, как он, наш, на сегодняшний день, не столь привлекательный мир был бы гораздо чище и справедливей.

Многое было для меня ново, многое непривычно. Например, пять номеров, которые я использовал по собственному разумению – в одном жил сам, другие сдавались, чтобы окупить некоторые рабочие затраты, а также повысить жизненный уровень себе и помогающим мне людям.

Увы, я начал снова курить, ещё меньше спать и опасаться стать совершенным потребителем, ибо любое моё желание исполнялось быстрее, чем я мог о нём подумать.

Очередной день рождения моей супруги Ольги праздновался на 33-м этаже в двухэтажном баре со вторым светом, специально для этого закрытом. Рестораны обязались обеспечить всем необходимым совершенно бесплатно, только услышав об этом событии, а иностранные фирмы, арендовавшие помещения в комплексе, презентовали всё – от цветов до огромных тортов и подарков косметики и нижнего белья. Такое проявленное уважение и чрезмерное внимание, на мой взгляд, ничем не заслуженное, всё же, пришлось при-

нять и, если честно, было приятно.

Это сейчас понятно, что вышеперечисленным бизнесменам был гораздо более выгоден молодой человек, способный обеспечить их безопасность и спокойную коммерческую деятельность без всяких финансовых вливаний и уже благодарный лишь за особое к себе внимание, просто выполняющий свою работу по обеспечению безопасности гостиничного комплекса, а уж официально он все делает или нет – для них не столь важно.

Позже мне объяснили, что, скорее, я был похож не на добродетеля, а на лоха, за счёт которого бизнесмены некоторое время отбивались от надоедливых и жадных представителей криминала, не тратя при этом ни сил, ни нервов, ни денег.

Я понял ещё две вещи: во-первых, скорее всего, я неправильно строю свои с ними отношения, так как денег с них никто не собирал и крышевать не предлагал, но так и не понял, как это сделать правильно. Впрочем, я даже не задумывался над этим, а, возможно, не был готов преступить какую-то грань. Во-вторых, на вопрос жены, кем же я все-таки здесь работаю, не смог ответить, потому что и сам перестал понимать!

Однако в скором времени произошли события, которые кардинально меняли мои взаимоотношения с «начальством».

Обычно почему-то случается так, что достаточно появиться одному кавказцу в обществе, чтобы оно стало при-

растать его земляками. Как ни странно, но комфорт и спокойствие налаженного быта, положение вещей и расстановка сил после того расшатываются и уже никогда не возвращаются в прежнее русло. Причина этого, с моей точки зрения, не столько в характере и менталитете наших гостей, сколько в нашей славянской готовности помочь: мы крайне терпеливы – ввиду многонациональности, больших расстояний, и, соответственно, растянутости всего, что бы мы ни делали. Мы – нация самодостаточная, даже при отсутствии всего необходимого, и саможертвенная. Достаточно вспомнить, что 99% всех славянских группировок обитают именно на территории Российской Федерации. На Кавказе что-то не заметно ни одной. Но вот добрая половина южных позанимала большую часть рабочих мест криминалитета именно у нас, и недаром в лагерях и тюрьмах их иногда в шутку называют гастарбайтерами. В Америке и в некоторых европейских странах под личиной русской мафии русских, как правило, не найти, зато в избытке еврейские, украинские и белорусские общины, разбитые по интересам и роду криминальной деятельности. А вот русак почти всегда патриотичен, хотя бы в глубине души, и всегда тянется к Родине.

У кормушки ЦДТ было всего трое представителей Армении: директор гостиничного комплекса, Левон – его родственник, обеспечивающий наше присутствие и получающий за это свою долю, и их племянник Артём – совершенно не сдержанный, не очень умный, распоясавшийся, на ров-

ном месте уверовавший в себя, свою силу и безнаказанность молодой человек, не достигший и двадцати лет. С ним было человек пятнадцать – «беспредельщина», как их называл Левон, уверяя, что они могут всё. Они, наверное, и могли бы всё, но никогда не делали ничего, обычно отплывая на задний план. Среди них особенно выделялась группа крепких и молодых парней из микрорайона Крылатское, явно получивших воспитание от мам, пап и школы, а не суррогатной субкультуры. Я понял сразу, что лишь на них и стоит опираться прежде всего. И именно с ними будет поначалу связана моя судьба после ухода из гостиничного бизнеса. Шестеро человек с непривычными именами-дразнилками, в миру – «погонялами», ибо, как они говорили, клички бывают только у собак и кошек: «Бизон» – ну очень здоровый и броненосный; «Шарап» – Саша, преданнейший человек и хороший товарищ; Дима «Ушастый» – добрый, отзывчивый и весёлый юноша не старше 19 лет; Тимофей «Тимоха» – хоть и молодой, но уже сидельый и опытный, а потому осторожный; Эдик – бывший воин-интернационалист и орденосец; и Роман, по странному в будущем стечению обстоятельств, крестник Олега Пылёва, впрочем, тоже приговорённый и почивший на лесном погосте.

В официальную охрану я набирал ребят в основном в спортзалах, тоже крепких, из них выделял человек десять, на которых мог особо положиться, а распределив в три смены – быть спокойным и уверенным в решении любых проблем,

даже в моё отсутствие. В случае необходимости я собирал крылатских и этих парней, и ни разу не было вопроса, которого бы мы не могли решить положительно для себя.

Но однажды, поддавшись на уговоры (да и отказать Левону в просьбе я не мог, находясь в его подчинении), уже далеко под вечер пришлось ехать в район метро «Юго-западная», где кто-то обманул знакомого шефа. Маленький армянин-торговец слёзно клялся, что всё уже утрясли, но, чтобы не было следующего раза, надо показать: он не один, а по пути к нам присоединятся ещё его люди. Одно с другим не связывалось, но делать было нечего. К тому же, я не собирался никуда ввязываться, да и обещание «накрыть поляну» и вознаграждение тоже были не лишними в конце месяца. Поэтому, захватив вышеупомянутый секстет и двоих из смены, мы на двух автомобилях через пять минут были уже на месте.

Перед фойе метро – большой пятак, окружённый импровизированными палатками-навесами, представлявшими собой лицо рынка того времени. Торговля и выгодные сделки к вечеру сменились тишиной и полным отсутствием торговавших людей, ничто не предвещало серьёзности возможной драмы. Двоих я послал на пригорок, вооружённых обрезом и пистолетом Макарова – не Бог весть что, но хотя бы шумом отход прикрыть смогут. Другой ствол при мне, вроде бы как официальный, но без подходящего оформления, потому что больше никто пользоваться им не умел. Находясь посреди освещённой площади мы чего-то ждали. Наш визави то

уходил, то приходил, погружаясь либо в подземный переход, либо исчезая в близ находящихся кустах. В результате пришёл с двумя мужчинами – азербайджанцами, один из которых сразу отошёл и исчез в переходе. В принципе мы могли уходить, и инстинкт к тому подталкивал. Но голодный желудок и желание сделать глубокую затяжку winstona позволили нам стать не только участниками, но даже центром событий, явно очень быстро развивающихся не в нашу пользу.

Только прикурив, я заметил вылезающих отовсюду, как тараканы, разнородных и разновозрастных щетинистых, явно нам не товарищей. Они двигались со всех сторон и показывали на нас, наш спасаемый друг моментально испарился, а мы, уже окружённые, жадно искали пробел среди человеческой массы. Беспорядочно отвечая на непонятные речи и отжимаясь, без резких движений, в сторону пригорка, мы пока ещё держались группой. Но стоило раздаться крику, как кавказская масса закипела и ощетинилась. Стало понятно – что-то будет. Человек 100, окружив и создав от нас на 2–3 метра пустоту в виде круга, ибо вплотную бить было неудобно, искали слабые места. Всё, что я успел сказать: «Пацаны, вместе...». Куча тут же взорвалась и разделила меня с ребятами, но не их. Пытаясь нащупать рукоять одной рукой и прихватив за горло не крупного, юркого и очень волосатого мужчину, я отбивался им как барьером от палок, труб и другой навязчивой прелести. Он истошно вопил и брыкался из-за приходящихся на него со всех сторон ударов. Спиной

ощущая металлический каркас палатки, теперь я ждал только момента и появления хоть какой-то дистанции. Первый выстрел сорвал здоровенную кепку-аэродром с самого здорового и ближе всех оказавшегося дитя гор, тащившего над головой, в замахнувшихся на меня руках, большой кусок трубы. Потеря кепки явно изменила его планы, а мне подарила секунды замешательства толпы и необходимый метр дистанции. Стоявший рядом, весь в белом, но с портящей этот вид монтировкой, другой торговец фруктами, явно желавший повести за собой соплеменников, от следующего выстрела поймел дырку в ботинке (не смертельно, но очень больно), завизжал и рванул в нужную мне сторону, прокладывая широченную трассу в живых и шарахающихся телах. Бросив в угрожающую толпу малыша, спасшего меня своим телом от ударов, который, впрочем, уже притих, потому что перестал получать и желал только скорейшего освобождения, пролетев в не успевший замкнуться за белым костюмом круг, я сноровисто прыгал по крышам машин, удаляясь от расстроенной неудачей в отношении меня толпы, лишённой зрелища.

Не так весело было у «крылатских». Они тоже отбились, но через ножевое ранение, порезанную голень и опухшее предплечье у «Бивня». Сначала Олег произвел впечатление на наступавших своим видом, дважды подставив под опускающийся ломик огромную руку, ойкая от боли, третий раз, не вытерпев, вырвал его и дал попробовать того же его хо-

зяину. Хозяин обиделся и обмяк. При этом замешательстве они и скрылись.

Конца обсуждению и жажде мести не было предела, но все успокоилось после обращения в больницу, где мы встретили семерых пострадавших, пара из них – довольно тяжело. Всё было очевидно, и мы посчитали себя отомщенными, но не в отношении нашего просителя. Найти его – дело чести, растрясти – дело техники. Что ж, он остался счастлив, отдав требуемое, и больше никогда не появлялся.

Таковым было первое боевое крещение после демобилизации из армии без грифа законности, которое я, впрочем, расценил как самозащиту и даже не мог себе представить, что что-либо из содеянного может быть наказуемо судом. Да-да, несмотря на наличие оружия и два выстрела, впрочем, почти не причинивших вреда, может, потому что при самом плохом раскладе – аресте, – это обошлось бы в 300–500 долларов и сутки в «обезьяннике» отделения милиции и, уж точно, без суда и следствия.

Кстати, если кто-то думает, в таких «переделках» может не быть страха – ошибается. Без этого замечательного чувства многие люди уходили бы в мир иной гораздо раньше, и по причинам более смешным и самым необычным, которые обычно ведут к насморку, а, в худшем случае, к моментальному энурезу.

Мало того, именно резкий припадок страха, с которым ты либо справляешься, либо нет, включает механизм, кото-

рый позволяет соображать, воспринимать происходящее и принимать решение в разы быстрее обычного. Помнится, какой-то восточный владыка, кажется, Чингисхан, при выборе своей личной охраны, сильно пугал воина и одобрял выбор лишь в случае, если лицо испытуемого краснело, выражая злость, а не бледнело, что говорило о том, что человек справлялся со своим страхом, переводя его в управляемую агрессию. Может быть, и бледнеющий способен на подобное, но явно не сразу, а ведь бывает поздно, так что грош цена бойцу, не испытывающему страх, и место ему на спокойной гражданской стезе.

А перепугался я тогда сильно, хотя и урок получил соответствующий, и больше без углублённого изучения предстоящего предпочитал ничего не делать, если, конечно, позволяла ситуация. В такой просак я более не попадал.

И ещё я поразился тому, сколько лиц я запомнил, и тому, как быстро выбрал, причём безошибочно, цели и задачи по ним.

После, уже сидя в номере, я никак не мог понять, как за такой короткий промежуток времени могли столь резко поменяться межнациональные отношения, ведь ещё пять лет назад такого нельзя было представить даже на их земле, в Азербайджане. Но всё тайное когда-нибудь становится явным.

Этот случай был первым серьёзным предупреждением, после него я потребовал удалить «беспредельщиков», исчез-

нувших чудным образом в большинстве своем во главе с Артёмом, племянником Левона. Но, по-видимому, родственника пристроить было некуда. Его безалаберность, бесшабашность и безнаказанность зашли слишком далеко, и результат не заставил себя ждать.

В какой-то летний вечер, после очередной попойки, его приближенный выпросил у меня ПМ. Кстати, состоящий на учёте в ЧОПе, где я неофициально числился человеком, имеющим право пользоваться им в служебных целях. Артёму я отказать не мог по договорённости с его дядей, но какое же было моё удивление, когда запыхавшийся и бледный юноша из смены охраны сообщил, что «супербандит» палит в воздух во дворе гостиницы, дабы произвести впечатление на дам-с. Через 10 секунд я застал в арке его, одного, совершенно растерянного, и уже маячивших в 50 метрах милиционеров. Ствол я вырвал из оцепеневших пальцев, пинками прогнал его в сторону, противоположную своему предполагаемому движению и собрал гильзы. Всё бы ничего, от одних я ушёл, но наткнулся на других – участкового с напарником, которого хорошо знал. О сопротивлении не было и речи, через 10 минут я благополучно сидел в обезьяннике, попивая прихваченную по пути минералку. Жадность хранителей правопорядка, знакомства и деньги Левона принесли свои плоды, хоть и лишили меня злосчастного «макарыча». Появившись в гостинице с пустым желудком, вычищенными карманами и желанием разукрасить мордашку незадачливо-

го женского угодника, я понял, что удовлетворения не получится. Буян буянил, смена отказалась работать, а я очень хотел видеть жену и сына – уже третьи сутки, как я застрял в этой берлоге, в которой, в принципе, меня многое устраивало, многое нравилось, а главное – почти всё получалось.

Официально начальником охраны комплекса я поставил одного из своих друзей детства – Виталия, достойного человека, тоже бывшего офицера. Мы понимали друг друга с полуслова, имея общие интересы, одинаковый возраст, давние отношения и почти одинаковые взгляды на жизнь. Для этой работы он имел ещё один плюс – был холост, и поэтому не вылезал с работы, почти всегда взваливая на себя многие внезапно свалившиеся хлопоты, когда меня не было. Соответственно, к моему появлению они находились в стадии разрешения, что очень экономило время и позволяло опережать многие негативные события.

Этот вечер, точнее, уже ночь, не были самыми лучшими – из-за холодной железяки, изъятой в отделении милиции, я потерял безотказного друга, не раз меня выручавшего. Разочарование от глупости и чуждого человеческого фактора подталкивали к грусти и печали. Если бы я знал, как часто буду сталкиваться с этим, и сколько звеньев и цепочек, тонко и подробно продуманных планов, всевозможных мероприятий будут обрываться, то, может быть, и встал бы на сторону репрессивной дисциплины (конечно, не имеющей ничего общего с властвующей у нас). Хотя, даже с позиции се-

годняшнего дня, я считаю, что ни одна хорошо разработанная схема, как бы жестко ее ни приводили в жизнь, как бы скрупулёзно ее ни контролировали, не работает без поправок, всегда нуждается в них, а также в дополнениях или в замене авральными нюансами. Единственный выход – простота, она же надёжность, но не всегда это возможно в наш век бардака и высоких технологий. Конечно, все эти мрачные мысли перекрывала прохлада, веявшая от пока прикрытого, а потом так никогда и не начатого уголовного дела о вечерней стрельбе во дворе отеля.

Мы сели с Виталиком в полюбившемся нам уголке восточного ресторана на первом этаже ЦДТ – он ещё не закрывался, но посетителей уже не пускали, у нас же было ещё часа два времени. Как всегда, принесли крепчайший кофе и немного подогретого коньяка. Подсело «сарафанное радио» – две ночные бабочки, удивительно чуткие и проницательные барышни, Инночка и Елена, – мои глаза и уши, причем преданно державшие язык за зубами, если дело касалось моих интересов. С другом детства, а теперь соратником мы помогали им как могли, из одного сочувствия, раз и навсегда отказавшись от предложенной доли в их бизнесе. Заманчивые формы, миловидное лицо, густые волосы, томный взгляд и умение внушить непреодолимое желание себя любому мужчине ничуть не портило отсутствие передних верхних резцов, выражающееся причудливой, почти незаметной шепелявинкой. Когда я слышал дежурное объяснение возможному

клиенту, о том, что она может гораздо больше, приятнее оригинальнее благодаря именно этом небольшому изъяну, понимал, что до номера им не больше 15 минут. Прелесть была не в полном отсутствии двух зубов, а в нехватке их нижних половинок, казалось, словно подточенных специально.

Девочки были в курсе происшедшего и готовы на всё, что угодно, чтобы затушить бурлившее в моей душе. Понемногу радость жизни заглушила все неудобства и противоречия вместе с тягой дома. Ехать уже никуда не хотелось, да и завтрашний разговор с вызванными сменами, бандюками и Леоном должен был состояться в 9:00. Готовиться было к чему, и я сдался. К тому же местная парилка и большой, прохладный бассейн предлагали себя. И совсем не пожалел – ночь была мягкая, приятная и редкостная для этого периода моей жизни, правда, я так и не понял особой прелести в отсутствии половинок зубов, хоть это и было совсем не важно. Я благодарен их хозяйке, сумевшей создать впечатление лунной ночи на берегу средиземного моря.

Вообще, ночные бабочки сыграли в моей жизни определенную роль, несмотря на то, что любовь за деньги отбивает у меня охоту, и я редко пользовался их услугами даже в то время, когда период воздержания из-за загруженности был неприлично длинным.

С двумя же из них в разное время, совершенно случайно, установились достаточно длинные отношения, глубокие по своей открытости и обоюдному доверию, какой-то странной

жертвенности и моральной преданности с их стороны, в первом случае – основанные на желании помочь друг другу победить духовное одиночество и опустошенность; во-втором же – на какой-то обреченности, которая сквозила из нас обоих и отдаленно напоминала союз Клеопатры и Марка Антония в последние месяцы их жизни, в ожидании флота Августа Октавиана. Это было время, когда я отказался от семьи и от общения с любимой женщиной, слишком очевидно понимая, на каком кончике острия нахожусь, и если «кану в Лету», то со всеми, кто рядом со мной. Период не длительный, 5–6 месяцев, после его окончания я впервые покинул Родину после танго со смертью, покончив с прошлым, правда, не так, как предполагалось: убрав своего шефа Григория, но не освободившись от кабалы, а лишь поменяв одного босса на другого, впрочем, уже человека, а не людоеда.

Кем был я рядом с Гусятинским – решать не мне, не я принимал решения о жизни и её окончании, часто беспричинно. Но я делал несчастными родных и близких, прекращая земное существование уже приговоренного. Хотя не я, так другой должен был бы сделать то же самое, и не факт, что «другой», как показывает опыт, делал бы это так же аккуратно и «убирал» только нужную персону, а не в придачу с его окружением, ведь требование Гриши «валить всех» никогда не менялось. По его представлениям, чем больше уйдёт в мир иной, тем меньше врагов останется, тем страшнее другим, тем выше рейтинг.

Хотя тогда я был уверен, что в некоторых ситуациях смысл подобного мог быть оправдан. От того, останется жив человек или нет, зависела жизнь многих из нас – это было первично, вторичным всегда являлся вопрос денег. А если точнее – то именно деньги были причиной всего, из нее уже вытекали оборона, престиж, положение, благополучие и, как результат, «график» занимаемых мест на заранее распланированных кладбищах.

Как ни крути, а всегда всё сводилось к финансам – любые операции с недвижимостью, предметами коммерции, бизнеса, даже месть и воздание должного – везде была тень золотой монеты, просто в разные моменты мотивы звучали либо более благозвучно, либо более выгодно на сегодняшний день. Деньги! Деньги! Деньги! Хотя было и нечто выше, но только для избранных, правда, далеко не самых достойных, слабых, так и не сумевших с этим справиться, но очень жаждущих её – ВЛАСТИ! Понимая это, удивляешься прозорливости афинян, имевших привычку изгонять людей, сделавших много для мегаполиса, на полтора десятка лет, но своим авторитетом среди граждан угрожающих безопасности государства, правда, с полным содержанием и безграничным уважением. А также римлян, которые ставили раба на колесницу позади триумфатора, которыми часто были Цезари, с одной лишь целью – нашёптывать на ухо: «memento mori» (Помни о смерти), о чём явно забывают наши современники, взбираясь на самую вершину пирамиды власти.

Кстати, многие, если не все из нас, были уверены, а точнее – уверяли себя, что именно его-то обойдёт и тюрьма, и преждевременная смерть, и вообще всё плохое, что можно только себе представить. Но чем дальше и глубже затягивал процесс, тем больше и чаще приходилось отбрасывать печальные мысли или топить их, как многие, в вине, совсем не находя в нём истины. Впрочем, наркотики и разврат не помогали тоже.

Страх, боязнь, опасливость порождали подозрительность тем большую, чем выше стоял человек в иерархии. Это присуще всем обществам, всем родам деятельности, где может блистать власть в худшем ее проявлении, тем паче власть неограниченная, распространенная на человеческую жизнь любого, до кого сможет дотянуться. И чем больше опасение потери ее, тем круче репрессии и больше зла.

Да, в начале 90-х мы казались видимым воплощением респектабельности, удачливости, многие парни хотели надеть кожаные куртки, а красивые, ещё не искушенные сегодняшним днём девушки – быть рядом. Эта романтика хозяев жизни, которым якобы нечего терять, сыграла со многими злую шутку, но некоторые смогли слиться с официозом, скоррумпироваться с чиновниками, а то и выше, или найти общие, взаимовыгодные компромиссы с силовиками, причем, как мне кажется, на языке последних. Они, как показывает время, ничего нового не придумали, да и зачем? Они пошли старым, надёжным и изведанным путём, известным, начиная со

времен Видока и Фуше, а скорее всего, гораздо раньше, выраженным в формуле: если нельзя устранить, то нужно возглавить. Оставив какую-то часть от бизнеса бывшим малиновым пиджакам, предложив им место сдерживающего барьера, сами ныне владеют остальным и, надо сказать, неплохо себя чувствуют. Будучи почти неприкосновенными, что, собственно, и не могло быть иначе при наших властителях, где полумеры – норма, а девиз «волка ноги кормят» является ответом на вопрос: «Как на эту зарплату можно жить»?

Разумеется, с тех пор всё поменялось, и если 15 лет назад фраза: «Да это наши менты, коммерсы, чиновники и т. д.» – совершенно чётко соответствовала истине, то теперь это смешно понимающему и опасно для заблуждающегося.

Еще раз подчеркну, что среди любой прослойки, среди любой профессии есть люди честные и достойные, но они, как правило, сопротивляющееся меньшинство, а взяток не берут лишь тогда, когда их не дают. И вообще, у нас, в России, всегда, как говорится, «дело в шляпе», что значило при царе-батюшке: пока ее не наполнят, дело не сдвинется, и не важно, по горизонтали или по вертикали направлен его путь.

Себя же я всегда воспринимал где-то исходя из того, что было заложено с детства, возможно, где-то обманывая, где-то преувеличивая, а где-то боясь признаться самому себе в очевидности своих поступков и предпочтений. До сих пор, хотя на этих страницах я и соглашаюсь с названием себя бандитом и позиционирую себя совместно с теми, кто был

в ОПГ, противопоставляя всему остальному обществу, но в глубине души, и это чувствуется наитием, я всё тот же только что демобилизованный и пытающийся адаптировать свое мировоззрение к окружающему миру. Не он плох, а я другой. Возможно, старомодный или старорежимный и потому никак не имеющий возможности принять в душе то, что быстро прилипает к подавляющему множеству людей более современных, чем я, а значит – более пригодных к сегодняшней жизни. 20 лет назад я был выброшен из нее, и сегодня, страшно признать, констатируюсь отбросом общества, и опять, как всю свою взрослую жизнь, ощущаю себя где-то не потому, что считаю окружающий мир недостойным, а потому что другой, сопротивляющийся, с большим желанием остаться тем, каким меня любили мать, отец, а возможно, видят сейчас дети, друзья и когда-то любимые и любящие женщины. Я чувствую в себе силы остаться таким же навсегда, и на сегодняшний день вижу своей задачей сопротивляться тому, что может меня изменить, причем вина за содеянное занимает в этом одно из первых мест.

* * *

Вернёмся к женщинам, продающим своё тело, с которыми столкнула меня судьба и которых таковыми я воспринять никак не могу. Может быть, Богу – Богово, Цезарю – Цезарево, а падшим – падшее. Хотя оттуда, где они находились,

мир представлялся в более правдивом свете, отчего для жизни им требовалось меньше масок и... Не знаю, как это сейчас выразить, но внутри них была какая-то, скрытая налётом профессии и окислом переживания от неё, чистота души – той большей её части, которой этот блуд не коснулся. Оттого обе они казались честнее и преданнее многих, считавших себя гораздо выше, но бывших, в сущности, просто шлюхами, ублажающими свои похоти, а то и такими средствами добивающимися своих целей. Это касалось и касается не только многих женщин вне этой профессии, но и огромного количества мужчин. Не мне говорить о морали, но порой нет сил сдержаться.

Обеим женщинам я благодарен, и вспоминаю с теплом и огромным сожалением их преждевременные смерти. По всей видимости, в своей профессии они достигли уровня, позволяющего выбирать, обходиться без посредников и работать с приличной клиентурой. Жизнь первой остановил возомнивший себя владельцем собственности на неё и поступившим, как заблагорассудится, пристрелив, как собаку, похоже, просто не сумев подняться на её уровень и добиться взаимности. Он уже покинул Россию, и кто знает, где сейчас затерялись его кости...

Вторая, Милена, в день своего рождения отказалась «принимать» важных гостей и была наказана чем-то похожим на субботник с такими страстями, которых не выдержали бы сами участники этих издевательств. Наверное, просто желание

побыть одной показалось дерзким неповиновением. По стечению обстоятельств, этими людьми оказались милиционеры.

К тому времени мы почти не общались, но она всегда могла меня найти по оставленному номеру пейджера, который я никогда и никому не давал, за редким исключением. На сообщение что-то вроде: «Ты мне нужен, пожалуйста» – я не смог появиться раньше суток, и это решило её судьбу. Приди я раньше, всё было бы по-другому. Опоздав, а ехать пришлось из другого города, я застал только медиков, выносивших из подъезда уже похолодевший труп. Из-под простыни свисала кисть руки с ссадинами и кровоподтёками, и, удивительно, один палец венчало колечко с рубином, подаренное мною, но никогда ею не одевавшееся...

Судьбы, судьбы... А я жив и живу до сих пор. Сколько раз сегодняшней день мог стать последним? Сколько раз, понимая, к чему может привести то, чем я занимался, всё равно делал. Сколько раз Господь отводил от меня худшее и предупреждал, давая очередной шанс встать на другую стезю. Неоднократно я мог попасть в руки правосудия по причинам несуразным, не просчитываемым и непредсказуемым, но постоянно находил возможность выкручиваться с помощью припасённых заранее средств. Хотя, в большинстве случаев, всё закончилось бы административным наказанием, скажем, за нарушение паспортного режима или подделку документов и тому подобное. Но возможность боль-

шего, как вытекающие последствия, всегда маячила и заставляла быть осторожным. Постоянная собранность, напряженность и готовность отпускали слегка только дома, потому никто никогда не понимал и особенно не замечал этого. И, соответственно, не видел необходимости помочь. С друзьями детства по футбольной детско-юношеской школе олимпийского резерва, отношения с которыми сохранились и по сей день, при встрече о работе ни-ни. Встречаться с кем-то другим для отдыха или общения не было ни возможности, ни желания, а жена и, впоследствии, любимая женщина, были вообще далеки от этого. Тогда я и сам себя оградил от общения на достаточный период времени, снимая меняющиеся раз в 3—4 месяца лежбища и появляясь там только для сна. Так я прожил с конца 92-го по 96-й год. Правда, в 92-м, было несколько месяцев, когда мы с известными уже «Крылатскими» болтались, где придется, из-за появившихся у меня первых крупных неприятностей.

Каких унылых «малин» я только не видел, каких притонов не обошёл, и лучшее место, где я в тот период коротал свой сон, был аппарат для загара в солярии в банях в Крылатском на Гребном канале. После, узнав о моём плачевном положении, меня приютила семейная чета друга детства, Вячеслав и Елена, в однокомнатной квартире с грудным ребёнком, причем совершенно не спрашивая причин моих скитаний. Стараюсь никогда не забывать добра. У них растёт замечательная дочь, к тому же моя крестница. Трижды они помогали

мне и, надеюсь, воздастся им по делам их.

Вообще, странное дело! При всём содеянном мною в этом мире, среди моих знакомых всегда были люди, у которых я мог найти помощь, даже посторонние, да что там – разово встречающиеся располагались ко мне благожелательно, хотя и я, в свою очередь, помогал и проявлял участие в жизни многих, и близких и далёких. Мало того, даже желающие мне зла в конечном итоге получались мостиками спасения или решения, подчас сложным проблем. Дай Бог им всем здоровья и благополучия. Может быть, именно поэтому я никогда не умел злиться дольше пяти минут и никогда не отомстил ни одному человеку.

* * *

Но всё это будет после... А сейчас раннее утро, ночная баня, бассейн, немного алкоголя, подаренный релакс и крепкий, но непродолжительный сон – не самое плохое для поднятия тонуса и настроения после нескольких проведенных в отделении милиции часов, потери ставшего драгоценным пистолета и перед ожидаемой разборкой с Левоном и его гвардией. Ночью, приняв все решения и подведя итоги утром за чашечкой турецкого кофе, мы с Виталием ждали общего появления. Если Левон не пойдёт на наши условия, то будущее призрачно. По нынешней обустроенности работы и положению вещей совершенно понятно: эти ситуации

– только начало, опыт был небольшой, но достаточный. Сказать, что сейчас я жалею об этом – не сказать ничего. С точки зрения истории, жизнь человека, как и история вообще, конкретные события и мотивация, хотя последние почти всегда скрыты для потомков, – сослагательное наклонение здесь неуместно. Левон был застрелен немногим позже при выходе с очередной встречи, при скоплении народа и его охранников, которые, как это принято, ничего не предприняли, хотя исключения бывают (охранник Коши «Бауманского», например, вовремя среагировав, расстрелял уже готовящихся со стволами наперевес выходить из машины «одиноцовских», выпустив две обоймы в их жигули, заставив тем самым неудачливых стрелков очистить от своего присутствия не только автомобиль, но и улицу, оставив стволы, машину, и испорченный воздух, забыв о целях и задачах).

Время подошло, но ещё никого не было, эта странность выгнала нас на улицу, где, оказывается, более сорока человек молодой и крепкой толпой осиным роем окружили 8-10 жавшихся друг к другу «героев». Всё устраивалось само собой, и Левон, бывший главной фигурой нападок, хотя и безопасных, но назойливых, ощутил в полную меру сложившуюся в коллективе атмосферу. Мы появились как нельзя вовремя, и спасённый наконец армянин переводил дух в мягких креслах фойе под неусыпными взглядами разгорячённой и правой толпы.

Я полностью поддерживал ее требования, к тому же они

не касались финансов. Но убирать племянника и половину таких же его приятелей шеф не собирался, будучи уверен, что мне жалко будет покидать налаженное, обжитое и, вообще-то, сладкое место! Он был прав, это действительно не доставило удовольствия. Договорившись о сутках для размышления, он удалился в окружении своих приближённых, в принципе, кроме болтовни и побегушек ничего не делающих, но имеющих определенный вес в принятии решений, в чём я убедился уже завтра. Смены что-то увлечённо обсуждали, и мы с Виталием подошли объяснить и успокоить, но то, что я услышал, несколько шокировало: мне предлагалось стать главшпаном этой уже организованной структуры и вести их на вольные хлеба. Предложений по этим самым хлебам была масса. Разумеется, я всё выслушал и попросил 24 часа на размышления, имея в виду время после завтрашней встречи с Левоном. В душе я знал, что мой ответ будет отрицательным. Я не был к этому готов. Если вынужденное применение лёгкого криминала я еще мог оправдать, как и незаконное владение огнестрелом и даже некоторое его, почти безопасное, применение, то не был готов вступать в открытое противоречие с законом, хотя и с явной выгодой и без особой траты сил – ведь некоторые родственники моих ребят, имеющие бизнес, и ряд структур, относящихся к ЦДТ, и уже налаженные отношения с близлежащими палатками, заправкой и так далее – все просили помощи, которую и получали от нас, предлагали деньги или товары. Мы брали скид-

ками, потому что я пока не представлял других отношений и не понимал их мотивации делиться. Сейчас же всё стало очевидно, и даже приблизительные подсчёты показали, что возможный доход на каждого, по сравнению с имеющимся, возрасстал как минимум вдвое, и это пока ничего не предпринимая. Конечно, в расчёт не входил сам Дом туриста.

Ни я, ни мой друг этого не хотели и не могли принять. Всего лишь полтора года отделяли сегодняшнего непонятливого человека от того, поставленного в условия выбора государством в 1991 году, тогда я бы в это не поверил, но уже в 93-м я принял решение и предпочёл чужую жизнь безопасности и спокойствию своей семьи.

Диалог следующего утра был жарким, собравшиеся производили впечатление людей, разговаривающих на разных языках. Все понимали окончательное решение друг друга, но Левон вдруг выдвинул условие, надеясь задержать меня, совершенно чётко осознавая, что теряет огромный куш – ведь со мной уходили все остальные. Так и произошло. Он предложил в недельный срок возместить сумму, потраченную на выкуп меня, и вернуть пистолет, причём тот же! Через год от меня потребуют то же самое, но я уже не смогу отделаться так же убедительно, как сейчас, по одной простой причине: сейчас это было спонтанное требование, а позже – специально и профессионально подготовленное.

Мой, теперь уже бывший начальник, если можно так сказать, резюмировал тем, что вообще ничего особенного в вы-

ходке Артёма со стрельбой во дворе гостиницы не видит, и во всём виноват я сам, так как растерялся. Что ж, примеры всегда действенны и показательны, а ситуация критическая, сулившая столкновением прямо сейчас. «Правая рука» – приближённый кавказца Александр – стоял несколько расслабленный, уверенный в неотразимости предъявленного мне обвинения, остальные медленно надвигались с угрожающим видом. Виталик и ещё один парень, на машине которого мы приехали, стояли внизу, под окнами, открытыми настежь – жара, лето, но занавески задёрнуты. Третий этаж, вариантов масса, но у меня всегда получалось выбирать не только самый неординарный, но и действенный. Наглые улыбки и уверенность резко преобразились в бледный стопор, когда пистолет Александра, торчавший из-за пояса, оказался у меня в руке. По непониманию или неосторожности он не только дослал патрон в патронник, но и не поставил на предохранитель. Курок, естественно, остался в крайнем отведенном назад положении, что человеку опытному говорило об экстремальной готовности хозяина оружия, а заодно о его неопытности. Поэтому я был, в отличие от них, готов ко всему. Слава внимательности и наблюдательности: «предупреждён, значит вооружен» – в данном случае в прямом смысле. Пока ошарашенные ждали команды, время было упущено. Я же, не задумываясь, сделал несколько выстрелов в нечто небольшое, висящее на стене за их спинами, что произвело впечатление, половина попадала на пол, остальные... Впро-

чем, я не особо смотрел. Произнеся что-то типа: «Я кончил» или «Я всё сказал», – поставил пистолет на предохранитель и исчез за дверью, сразу натолкнувшись на Виталика, пытавшегося прорваться сквозь металлическую дверь мне на помощь. Увидев меня, поинтересовался: «Убил, что ли?» – воистину, этот день нёс массу удивительного. Наш третий, несмотря на звуки выстрелов, спокойно спал, что, однако, не повлияло на скорость нашего отъезда. Покидая это место, я заметил неколеблющиеся шторы в окне и почему-то возникшую тишину. Наивно и с улыбкой подумал, что они осознали свою неправоту, хотя последствий всё равно не было, а вновь помогший мне очередной ПМ так и не вернулся к своему хозяину.

За три дня я забрал и раздал причитающиеся нам деньги и, за счёт заведения, устроил общий банкет в ресторане на втором этаже – незабываемое по теплоте и пожеланиям мероприятие, пронизанное благодарностью и, одновременно, сожалением из-за всё-таки расставания. По выходу из отеля я встретил одного из старших «солнцевских», Семёна, и между делом бросил о бесхозности гостиницы, на что он поинтересовался: «А ты?» – у него даже не было мысли, что, имея такую команду и все предпосылки, можно не крышевать. Хотя и у них не всё сразу получилось, а может, и вовсе не у них.

Всё это означало следующее – поиск нового места, что и привело меня, через разные перипетии, в мир, который стал

моим на 10 лет!

С этой страницы я буду, упоминая человека, ушедшего в мир иной, указывать, по возможности, дату его смерти. Если это будет не насильственная смерть, тоже отмечу, но, кажется, таких будет мало. Кто бы и какими бы они ни были, да простит Господь души их грешные! Аминь.

* * *

Итак, ваш покорный слуга (жив пока ещё чудесным образом!), в очередной раз оказался перед очередным белым листом в книге своей жизни. ЦДТ, Левон и все приятные молодые люди оказались позади, всё нужно было начинать заново. Я не кинулся грабить, воровать, и, как ни странно сегодня звучит, не нанялся убийцей, но подробно искал и рассматривал любую возможность работы по знакомым и знакомым знакомых.

Две палатки, где я устроился, как сейчас принято говорить, менеджером по поставкам, не принесли дохода ни мне, ни хозяину. Напротив, попытавшись отбить их от рэкета, одну из них мы потеряли сгоревшей, хотя и выиграли за день до этого в физическом столкновении. Пока возместить мне было нечем, пришлось покинуть место с долгом, который отдал позже.

В спортивный зал «Бомбоубежище» меня пускали в долг, по старому знакомству. От нового места проживания на 5-

й Кожуховской улице это было не близко, но надежда найти там что-нибудь подходящее подкреплялась интуицией, которая оказалась верной – Григорий Гусятинский (погиб 30 января 1995 года от моей руки), с которым я был уже знаком, занимался силовым троеборьем и зал посещал постоянно, тем более что вместе с афганцами вложился в него не копейчно. Увидев меня без формы и уже прослышав о моих поисках, предложил заняться организацией ЧОПа, а пока быть в одной из его команд, называемых в шутку «африканцами». Это были два молодых человека: Дмитрий (инструктор по прыжкам с парашютом, погиб около 2000 года, спасая подопечного во время очередного учебного прыжка) и Юра Лукьянчиков (убит в 1994 году по указанию Григория, по официальной версии – за неподчинение, фактически – за отказ подносить чемоданы его супруги, сопровождая это соответствующими некорректными, как ей показалось, в ее адрес словами). Разумеется, я согласился.

Внешне ничего не вызывало подозрений и было очень похоже на работу в ЦДТ, с разницей в том, что деятельность и оружие тут должны были быть оформлены юридически, однако это оказалось лишь обещанием, а скорее – просто неудачной шуткой с целью завлечь подобных мне доверчивых балбесов. Особенно в курс дела нас никто не вводил, а мы и не интересовались. Ежедневные сборы, массовки, где я был пока рядовым участником, всё вдалеке от происходящего, ЧОП оформлялся сам, моё участие требовалось

лишь в мелочах, якобы до тех пор, пока он не вступит в рабочую фазу. Зарплата была маленькая, бесполезной суеты много, впрочем, для того времени, как у всех. Время мошенников разных мастей. Механизм кредитов слаб, «авизо» в разгаре, – впрочем, его погубила жадность кавказцев, эту так лелеемую еврейскими банкирами тему. Последние умели брать понемногу, но часто, а отдав чеченцам, тем самым поставили крест на кормушке – те напали не по-детски и сразу, наивно полагая, что так получится больше. Но деньги сыграли свою роль, подтянув диаспору на невиданные высоты, что, как полагают многие, и привело к сегодняшнему положению вещей в ситуации в горных побратимах, которых Россия, её ресурсы и её налогоплательщики кормят от пуза той грудью, которая должна кормить самих россиян.

Торговля чем угодно, где угодно и кем угодно разрослась настолько, что шагу ступить было некуда, чтобы не увидеть покупающего или продающего. «Ворота» открылись и в них хлынуло частное предпринимательство, за ним такое же частное «крышевание» за долю малую. Кто более юркий и смекалистый, срачивался со спортсменами и бывшими сидельцами, образуя «профсоюзы» по интересам. Льготный бизнес на алкоголе и сигаретах от афганцев-интернационалистов до РПЦ и спорткомитета, щели, дырочки, плохо, а то и вовсе не оформленные документы на что угодно, но всё же официально разрешённое. Только ленивый не ездил на неоформленных автомобилях, с неоплаченным таможенным

сбором, по рукописной доверенности в лучшем случае. Ремонтировали в сервисах-гаражах дорожные иномарки, доставшиеся как-то и где-то, не имея своих квартир, все деньги тратили на бензин и отдых. Можно было ездить без прав и вообще без всего того, что идентифицировало бы личность, всё имело проходную цену. ГАИ вообще не останавливало тех, кого нужно было, в любом случае имея заработок от всех, кто мог подвернуться.

Время зарождения РУОПов и ОМОНов, то ли в противовес, то ли параллельными, на поверку дня, «бригадам» структурами. Милиция была слаба, не оснащена, перебивалась с зарплаты на подачки и взятки, что часто заставляло принимать любые условия оплаты и от коммерсантов и от преступных сообществ. Смысла обращаться туда не было никакого и даже опасно, имея возможность «загрузиться» на полную катушку или просто потратиться безрезультатно.

Но силовикам тоже нужно было с чего-то начинать, страна входила в полосу безконтролия и беспредела, с треском, в очередной попытке выползти из коллапса.

Амплуа бандита (хотя я не особенно серьёзно воспринимаю этот бред, считая его больше подходящим для местных разбойников, к тому же и в криминальном мире такой масти нет) или, скорее, «жигана» действовало пьяняще, в большинстве случаев – на людей, ничего из себя не представляющих, они же и позволяли себе глумиться над окружающими, правда, иногда получая отпор. Таких я не любил и не люблю,

ибо такое поведение имеет единственную цель – поднятие собственного авторитета в своих и чужих глазах, что часто сегодня приходится видеть в зонах. И странно, что зачастую это действует, мало того, подхватывается другими.

Правда, что удивляться, когда многие восприняли в качестве жаргона не «арго», который был принят у французских каторжников, и не язык криминального мира Российской империи, а именно позднюю переходящую модель одесского полуидиша, со словами еврейского происхождения, выдававшего тех, кто усердно внедрял это в свое время в первой трети двадцатого века. Очень умный шаг при создании новой субкультуры, отголоски которой и сегодня существуют в местах заключения. Хотите убедиться – прочитайте «Парижские тайны» Эжена Сю или «Петербургские трущобы» Крестовского и «Одесские рассказы» Бабеля. А от настоящих отцов сегодняшнего криминального мира в серьёзном разговоре вы не услышите ни слова из современного жаргона и ни слова крепкого мата, лишь чистый литературный язык, выдающий не только интеллект, странным образом развивающийся за многие годы отсидки, но и огромный багаж прочитанной литературы, отгаданных кроссвордов и головоломок, причём в основном в жизни.

За всё время нахождения в массе таких людей, окружавших меня, я старательно, всеми фибрами души, сопротивлялся проникновению в моё сознание этой филологической заразы, и, как кажется, удачно. Сейчас эта субкультура, как и

культура в принципе, на свободе или в лагере, окрашивается лексикой наркоманов и дискотечных торчков. Если кто-то думает, что наркомания – не диагноз, он глубоко заблуждается. Наши ряды в начале 90-х тоже захлестнула эта гадость, хотя наблюдал я такое явление издавека. И приводило оно к могиле – или по определению, или по приговору, в виду неблагонадёжности. Это болезнь, и болезнь ужасная. Очень непродолжительное время зелье употребляется по причине удовольствия, позже – уже как лекарство, и для любого наркомана самый несчастный день его жизни – день, когда он его попробовал. С другой стороны, наркоман – это безотказная машина для исполнения любой задачи, которую совсем не жалко, которую дёшево содержать и не нужно уговаривать. Единственное непреложное условие – не допускать до ареста. Именно поэтому, не считая оборотов огромных денежных средств, наркодельцы если не сейчас, то в ближайшем будущем – очень могущественные люди, так как могут заполнить власть над душами и телами.

Наркоманы

Паша Зеленин у «курганских» (убит в «Матросской тишине» передозом, 1998 год), Лёша «Кондрат»; Юра «Мясной» (убит своими на последней стадии наркомании по приказу О. Пылёва, январь 1997 года «передоз?»), Вова «Булочник»; Рома «Москва» (крестник О. Пылёва, убит на последней стадии наркомании по приказу своего крёстного). Андрюша Марушкин (убит из-за неблагонадёжности, 1997 год «передоз»); Дима «Белый» (убит из-за неблагонадёжности); Юра «Усатый» (убит в бане 14.02.1995 в борьбе за наследство Гусятинского); Лёха «Банщик» (убит в бане 14.02.1995 в борьбе за наследство Гусятинского); Женёк «Лианозовский» (убит у себя в квартире за наследство Гусятинского, находясь под воздействием наркотиков); Артур, 1998 год (передоз) – медведковские, лианозовские чистильщики, на душах которых десятки человеческих жизней. Много ли они задумывались? Нет! Все мысли сосредоточены на следующей дозе. В своё время подходит грань, когда кажется нормальным за грубое слово сразу бить постороннего человека, а то и соседа или родственника. Скажите «бытовуха»? Нет, там они равны, а здесь наказывает суперчеловек, власть имеющий, и вместо мечущихся в перебранке молний – пистолет. И после нет ни похмелья, ни угрызений совести, а только какие-то подозрения о неправильности сделанного, и то

вряд ли. Что-то появляется лишь когда начинается преследование по пятам милицией. Из всех перечисленных выше только Алексей Кондратьев после что-то осознал, но у него ещё длинный и тяжёлый путь долгого похмелья, такого же долгого, как и срок. Я не осуждаю и не обвиняю, да и права не имею, ибо сам не лучше – это то время и те обстоятельства. И тем страшнее, чем больше это поощряется и чем лучше оплачивается. И нет разницы между теми, кто делает, и теми, кто заказывает.

Я чувствовал на себе влияние этой власти (над человеческой жизнью), появляющейся в первые секунды перебарывания себя перед выстрелом и после него: в момент уничтожения цели тебя охватывает восторг, звериный и неуправляемый. Но когда через минуту приходит осознание содеянного, всё это «северное сияние» эмоций резко переходит в такое уныние и опустошение, что нет сил хотя бы вспомнить о чём-то, приносящем положительные всплески. Это те моменты, когда я более всего ненавидел себя. В силу оптимистического склада характера через некоторое время всегда получалось войти в обычное русло, но свинцовая оскомина оставалась тяжестью на сердце ещё долго.

Надеюсь, вы понимаете, что об эмоциональном подъёме я говорю не в связи с причинением смерти другому человеку, а от того, что смог пересилить тот страх, думаю, он и есть Божий! А восторг – взывавшая гордыня, отзывающаяся болезненной раной на совести и её слабым голосе.

Что сделал, то сделал, разобравшись в причинах, может это и можно понять, но непросто! Пишу это без настроения и не рассчитываю, что кто-то станет в душе оправдывать или осуждать. Просто знайте, что проходил каждый из нас, почти каждый, и редкие избежали этого. Каждый должен был замазаться кровью, дабы не было пути назад! И как глупо... Ведь многие делали это «на слабо», а сделав, оставались теми же, кем были до того, ничего не менялось. Кроме того, что где раньше был свет, вползла тьма!

Кто виноват, кого винить: общество, власть, милицию, главарей, воспитание, семейное положение, время, недостаток продуктов, незанятость – кого бы мы, каждый из нас, ни винили и на кого бы ни сваливали, это лишь еще один шаг от истины. И если искать, то прежде в себе, но не все на это способны. Мы себе-то врем, оправдывая каждый шаг, и когда вдруг видим настоящее своё отражение без ежедневных личин и масок – ужасаемся! И это нормальные люди, не прошедшие через горнило труб, пахнущих разлагающимися трупами своих товарищей и погибшей совестью. Знаю, есть и хуже и сложнее, но сейчас и здесь – об этом. Выбирайте любой срез и рассматривайте – разглядите, что подобные мне и моим «соратникам» мало отличаются от всех остальных. Вы не найдёте яркого ущерба в воспитании, обучении, поведении, общении, мировоззрении, характерах, манере поведения (исключая, профессионально выработанное на протяжении четырнадцати лет «бегов», психики – она архинормаль-

на, архистабильна, хотя и вся расшатана, но, за счёт привычки, дорогого стоит). Рассмотрев всё по отдельности, вы не найдёте ничего, собрав же вместе, будете желать иметь именно такого друга, подчинённого, мужа, брата, кто знает, а возможно, и отца. И никоим образом содеянное мною не будет сочетаться с находящимся перед вами человеком – хоть поставь, хоть положи.

Возможно, прежде всего, потому что во мне нет злобы, ненависти, и я не покривлю душой, если скажу, что все мои принципы генетически совпадают с основными положениями общепринятых кодексов чести.

В принципе, это не особо важно, и пусть этим занимается психология, правда, и здесь порой доходит до смешного. Кто-то из представителей этой части учёного мира определил в своё время, что стиркой я занимался после очередного преступления, в связи с попыткой подсознания отмыться от содеянного. Позволю себе усомниться, тем более что причина банальна: до этого не было ни возможности, ни времени сдать бельё в прачечную либо постирать самому, гораздо проще было купить лишние комплекты или, при появившейся возможности, заняться делом, что и происходило. Жил я долго один, гостей у меня не было, женских рук и их присутствия мои берлоги не видели. Возможно, так живут многие люди, но причины на то разные.

Моё существование в сообществе себе подобных отличалось от общепринятых мнений и представлений о них. Ника-

кого братства, никаких загулов, пьянок с братками, исключая первый год вхождения в бригаду. Я любил тишину, одиночество, изредка скрашивая их коллективом друзей детства, а чаще футбольными встречами и, после них, часовыми посиделками с кружкой пива и весёлой, пустословной болтовнёй на отвлечённые темы. Открытые, благодушные люди, двери домов которых всегда были открыты для меня, дружба с семьями, всегда доставлявшими особое наслаждение своей чистотой отношений и непредвзятостью, были отрадными островками среди моря опасностей, лжи и злобы. Хотя и у нас в профсоюзе были люди, отношения с которыми приносили положительные моменты, но это было редко и, скорее, мельком, а после 1993 года закончились и они.

* * *

Итак, подошёл момент, когда дело с ЧОПом «подвисло», и наше взвешенное положение, положение сбившейся пятёрки, приняло оформившиеся очертания, и нам доверили первые серьёзные шаги – пару фирм, особо из себя ничего не представляющих, но имеющих перспективу. Через полгода их стало четыре. Офисы их представляли снятые в институтах или гостиницах несколько комнат с минимальным персоналом, искавшим, где выгоднее купить и куда подороже продать, деньги, почти всегда кредитные, а контракты неуверенные. Всегда появлялись мысли и подозрения, что

новая сделка – «кидалово», оформление документальное – на уровне «на коленях придуманного договора», нотариусы – покупные, печати – валом, а платёжки – просто бумажки, ничего особо не гарантирующие. Параллельно процветали и коммерция, и мошенничество, как мне кажется, не особо друг от друга отличавшиеся. В этой ситуации «купи-продайщики» очень желали заручиться гарантией честного слова и просто защитой, и если вдруг находился кто-то без силовой поддержки, то есть без «крыши», то сразу определялся «сладким». Для начала таких кидали, а затем под любым маринадом предлагали помощь. Если помощь опять была не нужна, то договаривались со «смежниками» – другой дружественной бригадой – о создании проблем разного рода либо настойчивого предложения с большей платой за безопасность, чем предлагали мы, а также шантажа, грабежа, избиения, подсылкой «своих» милиционеров, пожарных, санэпидемиологов, а иногда и возбуждения уголовных дел, но это уже высший пилотаж. В общем, круг сужался, и те первые, предложившие свои услуги, уже казались очень хорошим выходом, но теперь уже с другими, новыми условиями сотрудничества – ведь после создания всех проблем у нас появлялись пусть разовые, но обязательства перед другими братками, да и «появившиеся» проблемы «решать» надо. Но зато дальше, конечно, при условии разумности и надёжности «крышующих», жизнь становилась проще и даже спокойнее, правда, как правило, до поры до времени.

Впоследствии пытались создать и создавали целые экономические конгломераты, куда входили все звенья цепи, а главное – позволяющие вращать финансовые средства внутри «содружества» «своих» бизнесменов, просто платя проценты и комиссионные друг другу, оставаясь в общем выигрыше. Они представляли собой целые организмы из банков, нотариальных, адвокатских, юридических, аудиторских контор и фирмочек разного направления, магазинов, рынков, со «своими» полезными силовиками, чиновниками, депутатами, со своими карго-перевозками, ЧОПами, врачами, местами в больницах, санаториях, банями и даже, пардон, на кладбищах, где каждый мог выбрать себе наиболее понравившееся место. Нельзя забывать о турагентствах, которые занимались не только организацией отдыха и деловыми поездками, но и документами, иногда вызывающими некоторые вопросы, что подчас было неплохим подспорьем для людей, подобных мне, из-за своей нелегальной жизни забывших своё настоящее имя. Также занимались подбором и покупкой недвижимости, я уже не говорю об организации прохода без досмотра и прохождения паспортного режима на границе, через VIP-залы и другими путями. Свои сервисы, кафешки, кто круче – рестораны и ночные клубы, тренажёрные залы, которые тоже занимали не последнее место не только в ежедневных планах, но и в безопасности, так как оборудовались не только удобно, но и с учётом избегания всяких неожиданностей. У нас, скажем, недалеко от Савё-

ловской улицы был ресторанчик с восточной кухней и с потайной комнатой в зале, где можно было ставить (и ставили) пулемёт с возможностью сектора обстрела всего зала, с прицеливанием через большой аквариум. И это было не исключением. Деньги, как кредиты из своих банков, проценты от которых оставались в нашем же банке, как и плата за перевозку, погрузку- выгрузку; за охрану ЧОПами, юридическое обслуживание сделок и судебных издержек адвокатов, – всё это суммы немалые, и экономятся, так как не уходят на сторону, а остаются внутри, с чего «профсоюз» опять-таки получает свою долю.

Иногда получались неожиданности, которые, казалось бы, предугадывали и предотвращали, но...

Как-то по готовящейся сделке мы встречались с поставщиками, кажется, сливочного масла. Цена и всё сопутствующее не вызывало подозрений, нужно только было встретиться с крышей, оказавшейся «бауманскими». Друг о друге слышали, «старшенькие» навели необходимые справки, но встретиться поленились – и так всё ясно. В этом и была ошибка. Собрали, на всякий случай, постановочные данные, номера машин, выписки из паспортов некоторых работников, познакомились, вплоть до постели, с секретаршей и так далее. Но каково было удивление, когда злополучное масло не только задержалось, но и вовсе, «расплавившись», протекло между пальцев в неизвестном направлении. Кинулись к «бауманским» – оказалось, что контора такая есть,

успешно работает с тем же маслом, и даже некоторые имена и фамилии сотрудников совпадают (специально или нет – до сих пор остаётся тайной). Офис-квартира были уже пусты, от секретарши остались только приятные воспоминания, паспорта и другие документы – липа. В общем, первый класс, было чему поучиться, но денег и товара от этого больше не становилось, а спрашивать не с кого, но всё же придётся.

К коммерсанту не только никогда не было претензий, но он пользовался большим уважением, имея учёную степень, изданные труды и был весьма полезным человеком. Но! Не долго думая, Олег, один из двух братьев Пылёвых, направленный Гришей для расстановки точек в цифрах пропавших финансов, сделал простой выбор и назначил виноватого. Раз сделка неудачная, значит нужно спросить с того, кто её готовил, – расслабившегося учёного!

Я был несколько поражён, но всё же принял это решение и не стал перечить, радуясь, что не стал крайним, ведь если бы захотели спросить с меня, то всё было бы жёстче. Но и того, что произошло, я не ожидал.

Радужно встретивший нас хозяин офиса в институте на Тушинской с фамилией Балагула, как потом оказалось, имевшая вполне исторические корни – перевозчик на тележке тяжёлых грузов, вожатыми которых были очень мощные дяди. Беседа продолжалась в разных тонах до тех пор, пока не прозвучала заранее обговоренная фраза из уст Олега, которая дала сигнал к началу физического воздействия, что

привело профессора в состояние скрученного бараньего рога. Услышанные в таком состоянии требования были им исполнены в срок.

Что-то продав, возможно, квартиру, что-то поскребя по сусекам или родственникам. Но на удивление быстро восстановился, даром что учёный, занявшись белорусскими холодильниками.

До сих пор стоит перед глазами картина, где половина дюжины крепких молодых парней, изо всех сил выполняет распоряжение человека в два раза моложе провинившегося профессора, избивая того, лежащего и стонущего на полу, и вряд ли даже различая интонацию презрения, исходящую от не имеющего среднего образования и уважения к тем, кто его кормит. Картина на удивление мерзка, но показательна для всех. Надо сказать, что все эти издевательства он (Балагула) выдержал с достоинством завидным, которое было далеко не присуще тем же бойцам в подобных же ситуациях! Каждый, представляя себя на месте коммерсанта, понимал, что за горздо меньшее может оказаться в еще худшем положении, но был уверен, что бородатому пожилому мужчине достаётся не зря, и по-другому быть не может.

Пару дней юноши вспоминали «баталию», перечисляя свои «заслуги», но мне казалось и кажется до сих пор, что так не должно быть. Но как именно должно, я не знал. Время было жестокое, а точнее, его вообще не было как субстанции – мы ничего не успевали, многого не понимали, да и не

стремились, а возможно – боялись по-настоящему в чём-то разбираться.

Балагула был интеллигентный, образованный человек, которого, иногда витиевато, заносило в софистику, где молодые люди начинали теряться в вопросах этики и мотивации, за что, с одной стороны его уважали, с другой – подспудно испытывали чувство неприязни из-за непонимания своего места перед этим бывшим представителем науки. Вот за эти чрезмерные мудрствования, насколько я понимаю, он и пострадал, так как господа «плаща и кинжала» всяк ставили себя по своему «табелю о рангах» выше любого интеллектуала, тем более зарабатывающего, в том числе и для них, деньги.

Знай место и всегда помни, кто может стать крайним и оказаться стрелочником.

И ещё. Я очень хорошо запомнил глаза Олега и бизнесмена: если у первого – бегающий взгляд, то у второго, как мне показалось, ничего тяжелее ручки в своей жизни не державшего, чувствовалась твёрдость и достоинство. Высокий, худощавый, со всклокоченной черной с проседью шевелюрой и такой же, но более белёсой бородой, он после всего лишь слегка отряхнулся, застегнул пиджак на единственную оставшуюся нижнюю пуговицу, вновь расстегнул, и вернулся в своё кресло. Здесь и сейчас было не до софистики, и вряд ли кто оценил, с каким достоинством держался этот совсем не молодой человек, недавно поменявший своё привычное

научное поприще на другое, и уже добившийся многого на новом месте.

Надо дополнить, что подобные ситуации не могли оставлять недомолвок и в отношениях между «бригадами». Ляпсусы, подобные происшествию с маслом, в случае не доведения их до конца, могли повлиять на отношение и авторитет. Но это уже не касалось коммерсантов. И выяснение здесь некоторых позиций могло привести любые вопросы, простые и сложные и даже, кажется, яйца выеденного не стоившие, к серьёзным последствиям, например, к объявленной или, что хуже, не объявленной войне. Именно поэтому подобные избиения могли рассматриваться как всплески агрессии, исходящие из ожидания предстоящих разборок. Это понимали мы, но никогда те, кто попадал к нам под «крышу». И это было одним из основных отличий, следствием которых было мнение – «нам все должны».

Не знаю дальнейшую историю этого профессора-коммерсанта, для нас нашлись другие дела, и, разумеется, в таких ситуациях команду надзора меняют. Жизнь продолжалась, огорошивая чем-то новым и далеко не всегда приятным. Очень часто приходилось искать должников, либо не вернувших деньги, либо не выполнивших свои обязательства, и всегда это было сопряжено с диким информационным голодом. Мобильных телефонов тогда ещё не было или они только появлялись, мобильность была невысокой, и человек, просто переехавший к родственникам, почти терялся. Я пре-

красно понимал, что единственный вариант – ждать, пока клиент появится, либо, что было выше по шкале вероятности в разы, прослушивать домашний телефон. Тогда этим, кроме силовиков, не занимался никто, хотя бы потому, что было некому.

Телефонную закладку мы купили самопальную на каком-то из рынков, исходящий от неё сигнал принимали на автомагнитоле, что давало весьма неплохие результаты.

Таким образом нашли личного должника Гриши и выловили его на встрече с родственником у метро Таганская. Поняв, что мы нарисовались по его душу, он опешил и отвечал автоматически, ничего не скрывая. Этим эффектом, по всей видимости, пользуются органы, организовывая неожиданный допрос после такого же неожиданного ареста. Разговор продолжался за МКАД, куда должен был подъехать Гусятинский, чего не последовало, как, впрочем, и разрешения отпустить его домой. Девать его было некуда, а ведь дальнейшее было не нашим делом и, несколько подождав, получили указания – спрятать его куда-нибудь на один день. Таким местом оказалась квартира, снимаемая мной, причём на мой настоящий паспорт, сугубо для моего проживания. Мало того, что туда привезли якобы официальное оружие для ЧОПа, пока не оборудовали оружейную комнату, туда ещё привезли и заложника. Но отказаться я не смог, поверив, что действительно на один день! Назавтра туда приехал сам Григорий со своим близким поделщиком, сымпровизировали до-

статочно убедительно подготовку каких-то попыток с отрезанием пальца, и получили слёзное обещание вернуть деньги уже на следующий день, чем сохранился так дорогой хозяйину кусочек кисти. То ли глупость, то ли детская наивность, как всегда в такой ситуации, привели к такому же глупому концу. Продержав должника три дня и поверив, отпустили в ожидании чуда, хотя не было бы разницы, если б отпустили в тот же день, после первого разговора, с той лишь разницей, что не было бы столько печальных последствий. На квартире я уже не появлялся, почуяв неладное, постоянно просив освободить её и от оружия и от заложника. Вместо этого туда привезли какую-то женщину, с которой, впрочем, обращались очень почтительно, вплоть до того, что на суде она признала из шести «охранников» только троих, остальных, в виде признательности за доброе отношение, «забыла». Разумеется (и кто здесь лох?), заложник, как только его доставили домой, обещая заехать завтра за деньгами, рысью кинулся в милицию. И (о чудо!) реакция была незамедлительной. Конечно, всех находящихся в квартире накрыли ранним утром, с арсеналом и мадам, а я отправился на 14 лет в бега!

А что было делать? Денег нет, в тюрьму неохота, жена с маленьким ребенком... Ничего себе, нашёл работу! Удивительно, можно назвать меня слепым, глухим, глупым, но полностью я понял, куда попал, имея в виду организацию, только тогда, когда узнал, что арестованным предъявили 77 статью Уголовного Кодекса – это был один из первых про-

цессов над «преступной группировкой». Только узнал я об этом не раньше, чем через полгода. То был шок, повергший меня в ужас. Маленькими шажками я запускал криминал в жизнь своей семьи. Незаметно я стал обычным преступником... Нет, не обычным, на тот день – самым неудачливым. Всё, что я смог придумать, это, как говорят японцы, «ждать время». Вся моя вина по тому уголовному делу – снятая на мой паспорт квартира. До окончания суда, по уверениям адвокатов нашей замечательной конторы «Согласие», я должен не высываться, тогда всё сойдёт на нет. Но что-то не получалось: домой появляться нельзя, жить негде, есть нечего, и мы вдвоём с Димкой «Ушастым», как сайгаки без родной степи, путались в дебрях и болотах.

Но потихонечку ситуация расслаблялась, мы привыкали, денежный вопрос решался, правда, пахали мы, как пчёлки, внедряя новое и улучшая старое в работе по поиску и нахождению, отыскивая все более удобные, приятные и комфортные места для ночлегов. Нередко это была баня в Крылатском, на Гребном канале. Мы обзавелись, не без помощи главшпанов, «Москвичом-2141» белого цвета, новым, – свою «шестёрку» цвета корки апельсина продали и, в общем, видели неплохие перспективы. Явный криминал удавалось обходить, работа с фирмами была спокойной, без эксцессов, а поиск должников приносил неплохой процент. Мы их только находили, остальное – не наша забота.

Банный комплекс на Гребном канале – отдельная тема,

здесь я познакомился с будущим Лёшей-«Банщиком», но сейчас пока ещё работающим барменом и увлекающимся культуризмом, и с той самой Миленой. С этим местом связан и тот промежуток нередко пьянящего, в прямом и переносном смысле, и бесшабашного времени. Именно сюда я вернулся после первого своего покушения.

Если были свободные деньги, а главное – время, то иногда, ближе к вечеру, мы звонили по известному номеру, а набиралось нас человек 5–6, представлялись... по разному представлялись, скажем фирмой «Тенёк» или ассоциацией «21 век», подъезжала машина или две, из одной выходили два дюжих крепыша, один из которых, сутенёр, получал по заслугам, а второй (под страхом насилия, конечно) приводил барышень и уезжал с клятвенным обещанием безопасности последних. Собственно, никто не собирался и даже не имел мыслей обижать этих флиртующих созданий. На второй раз, увидев нас, они с весёлым криком: «Ура, опять коммерсанты!» – повывлетали из машин с несказанной радостью объявленному субботнику. Бесплатная работа была лишь для сутенеров, своё же заработанное дамы увозили сполна.

Милена попала сюда случайно. Работая только за валюту в каком-то фешенебельном отеле, она заскочила к бывшим подругам и приехала с ними проверить заключенное пари о том, что пригласившие их мужчины будут те же самые «благородные бандиты» – слухи и любопытство, знаете ли. Такая интрижка заставила занять её одно из мест в машине, от-

правляющихся к нам в гости. Обычно я сачковал – продажная любовь это не моё, даже физиологически её не воспринимаю, но, увидев Милену, понял: на сегодня я занят. Как ни неудобно было перед супругой и совсем маленьким сыном, а соблюсти себя в таком диком воздержании не смог. Тогда я злоупотребил, и не только вином и парилкой – редкостная женщина, и редкая по общению ночь. Солярий мне понравился сегодня совсем с другой стороны – необычностью своего применения... Мы встречались после этого неоднократно, и не обязательно для ее привычного занятия, причем деньги она взяла лишь в первый раз, а потом увиделись лишь через пару лет, став совсем другими людьми и в других обстоятельствах, но об этом позже.

* * *

События, плавно перетекающие одно в другое, а то и происходящие одновременно, перемалывали каждый день не только наших жизней, но и тех, с кем мы встречались, работали, «крышевали», а кому-то возвращали или забирали, в зависимости от подхода старших. Периодически были события в виде грандиозных пьянок, попоек и отдыха на разных территориях, с разными «командами» и «бригадами», дружественными нам. Пару раз подобные путёвки выпадали и мне. Однажды я с «главшпанами» оказался в Загорске, в центральном ресторане города, находящегося в гостини-

це с одноименном названием. Заняв уже заказанные и кем-то оплаченные номера, спустились в ресторан, где гремел блатнячок и во всю оттягивалась «братва». День рождения «Дроздов», с которыми я не был знаком, однако было приятно, что, так сказать, «элита» постепенно втягивала в свой круг. Жён было мало, да и все они ретировались через короткое время, удачно заменённые путанами, некоторые привезли с собой московских, кто-то обнаружил праздно шатающихся и ещё не совсем определившихся в профессии, но желающих халявки в надежде избежать продолжения, что мало вероятно. Мелькали редкие костюмы, иногда вкраплениями – малиновые, красные и розовые фетровые пиджаки, но больше тренировочные костюмы или свитера, заправленные в джинсы, а то и в строгого покроя брюки – дань тогдашней «моде». Разгоряченные, чем было (а было, как всегда, более чем), запускали по кругу дурманящие «косяки», никогда не возвращающиеся... Но всегда приходили другие. Были и иные, более интеллигентные: кокаин или тяжёлая, всякого рода, «по вене» пускаемая отравы. Последняя – редкость, но уже плотно входящая в обиход.

Напившиеся и по-братски обнимающиеся, признающиеся друг другу в верности и бахвалящиеся, почти все молодые, крепкие парни, подавляющее большинство спортсменюги – перспективный, здоровый генофонд России, но увлеченный не учёбой, работой или развитием интеллекта, а лёгкой, хоть и опасной, овейной увлекательной романтикой

наживой! Чем больше человек находится в подобных компаниях, не подымаясь по иерархии, а вращаясь в рядовых, не выше среднего, тем ярче заметна всё меньшая и меньшая тяга к познаниям и совершенствованию. Сходки, стрелки, бовики, фантастика, порно, кабаки, секс и трёп, трёп и трёп, что ведёт к полной деградации. Если вы видите сейчас сорокалетнего быка-балбеса, то, при всей неприязни, пожалейте его – он не был таким, и если завтра вы забудете неприятную встречу, даже оставившую синяк во всё ваше драгоценное лицо, помните: ушиб пройдет, боль и обида утихнут, а вот «бык» никогда не поднимется выше убойного мяса.

Кстати, по поводу трёпа, если пока ещё не изжила себя точка зрения о сплетницах-женщинах, то это лишь из-за грутально-молчаливого, часто обманчивого внешнего вида мужчин. Унисекс делает своё уравнивающее действие между полами, и скоро вы убедитесь, кто настоящие чемпионы по «обсасыванию косточек» и копанию в грязном тряпье. Но! Среди нас есть исключения, про роль которых в правилах я здесь умолчу.

Танцы танцевались, водка не заканчивалась, официанты сбили уже вторые подковы, а нечётные по количеству составы гостей праздника уплывали в номера, возвращаясь несколько растрепанными, чему очень радовались следующие. Но внешне всё было прилично – обычный банкет с не вполне принятой музыкой, хотя кто тогда не любил «Семена», «Вологодский конвой» или «Бутырку» и так далее. В

принципе, глядя снаружи через стекло в фойе ресторана, стоящему на морозе могло показаться, что это празднование окончания соревнований Российского масштаба по силовым видам спорта и единоборствам, визуально вид портили только худые «блатные» с синими наколками, но их можно было принять за тренеров, в крайнем случае, за администраторов. Посторонние почти не заходили – кому охота стать грушей для разошедшегося братка или полечь в неравной схватке при попытке защитить свою возлюбленную, к тому же, по опыту знаю, девушке больше льстило оставаться с победителем, но... молчу про исключения.

Вдруг свет полностью погас, но через минуту ярко зажегся главными люстрами, ослепив растерявшуюся толпу. Зал ресторана заполнился людьми, непривычными по внешнему виду и форме с надписью «ОМОН» (только образованный и выехавший на операцию почему-то без предупреждения) – это было одно из первых мероприятий «замечательных ребят». Не знаю, где они зарядились такой злобой и ненавистью ко всем присутствующим, но сначала приказали всем лечь, дав пару очередей в потолок, а потом били долго, уверенно и до поноса (пardon, конечно). Когда силы мои были уже на исходе, меня повесили на спинку сиденья автобуса, уперев её спереди в кости таза, двое держали за руки и ноги, а двое лупили по спине, ногам и когда-то мягкому месту и сгибателям бедра резиновыми дубинками-демократизаторами. Боль я перестал чувствовать, но оцепенение прошло, когда

рядом увидел в подобном положении то ли юную девушку, то ли женщину в годах, ибо лицо её было от подтёков и синяков лилово-бордово-распухшее, она уже не кричала, не рыдала, но жизнь проявляла тремя струйками – двумя слёзными и одной густо-красной, длинно-пружинистой из прокушенной насквозь губы...

Очнулся я в какой-то камере. Незнакомые парни, в состоянии чуть лучше моего, держали меня почти на руках над собой, так как можно было только стоять из-за отсутствия места, чего я, по понятным причинам, просто не мог. Болело всё, брюки были разорваны, распухшие ноги с малиново-тёмно-серыми подтёками выбухали не только сзади, но и там, где было им удобно. Карманы выворочены, остатки плаща одеты наизнанку, рукава пиджака отсутствовали. Хотелось пить, но воды не было, а губы спеклись от крови, и не факт, что моей. Не знаю, сколько мы пробыли в таком положении. Мне захотелось узнать, кто та особа, которую били рядом со мной, и что с ней стало, да и причина её страданий интересовала тоже. Вдруг назвали мою фамилию, которой пользоваться мне оставалось от силы пару месяцев (это было незадолго до происшествия с заложником на квартире, снятой по моему паспорту). Но сейчас я этих подробностей не знал.

Причина таких действий со стороны местной милиции мне не была известна, в том числе и потому, что у большинства гостей и хозяев банкета было больше понтов, чем «дел»

и «заслуг». Коридор был забит родственниками, охавшими, ахавшими, кричавшими, грозящими, плачущими и мало понимающими происходящее. Милиционеры сами напугались содеянного и произошедшего, так как многие выходящие писали жалобы, снимали побои, явно оказавшись случайно попавшими под раздачу, и иногда даже оказавшись родственниками каких-нибудь начальников, а то и самих ментов. Исключение составляли только бывшие уголовники и уже точно выбравшие подобный путь в жизни. Их было большинство, и ко всему произошедшему они выражали свою неприязнь или полное безразличие, так же, как и к людям в камуфляже и масках, то и дело сновавшим взад-вперед (кстати, всё время удивляюсь причинам, по которым одевают эти маски, ведь они тоже выбрали свой путь, говорю так, сравнивая их с работниками администрации лагерей и тюрем – там масок никто не носит, хотя возможность мести не меньшая).

Этот день воистину был днём удивлений. Меня ввели или наполовину втащили, полупоставили с упором к стене и оставили один на один с двумя офицерами, один из которых держал моё удостоверение личности офицера, другой – орденскую книжку, лица был растерянные и глупые. Я понимал, что рассказать мне решительно нечего при всём желании, которого у меня, по многим причинам, и не было и вряд ли могло появиться. Мы смотрели друг на друга пятью глазами (один мой заплыл). Разрядить обстановку пытались

предложенным мне горячим чаем с бутербродами, что могло стать очередной пыткой для моих распухших губ. Они долго извинялись за «причинённое мне неудобство», льстили и в результате пришли к главному – надежде, что я их, офицеров, как офицер, тоже пойму, на что я буркнул «вряд ли», но дал честное слово, что забуду обо всём, как только выйду из их «доблестного» учреждения с теми, с кем приехал в их замечательный город. Оказывается, их отпустили ещё раньше. Сказанное мною внесло радость, но сразу и озабоченность, вместе с упоминанием о старом дедовском портмоне и деньгах, сошлись на оплате гостиничного номера на три дня, бинтах и лекарствах.

На выходе никого из знакомых не было, но местные хулиганы, совсем молодые ребята по 16–18 лет, подхватив, доставили меня не только до номера в гостинице, но нашли всё необходимое, привели моих ребят, не попавших в отделение, и даже оставили небольшую сумму.

«Африканцы» долго стояли, не веря своим глазам и моему внешнему виду. Потом, хотя могли этого не делать, стоя по рангу выше меня, возможно, поняв мою пока мне самому непонятную «ценность», но, думаю, показанную или объяснённую Гришей, ушли: один за пищей в ресторан, другой... привёл миловидную, высокую и очень приятную молодую даму, с улыбкой произнеся: «Ну это, как её, сестрёнка милосердия, разберётесь». Всё было оплачено и устроено, три дня меня только что не облизывали, я пришёл в себя, опухо-

ли спадали и наполовину почернели и покрылись решеткой из йода. Инуля не отходила ни на минуту, и я проникся к ней уважением и симпатией, даже несмотря на то, что это было не безвозмездно, но сострадание, ласку и переживания за другого человека так не сыграешь и ни за какие деньги не купишь.

Через полгода я смог ей отплатить, хотя спасти от всего произошедшего не смог. Лианозовские, в рядах которых были, в основном, бывшие сидельцы, вызвали проституток и, как водится, устроили им субботник, но не как мы в своё время, а с элементами издевательств, надруганий, групповухи и унижения. Мы были поблизости, недалеко от лианозовских кортов, где и проходило «веселье». Я очень удивился знакомцу, работавшему там в банях, пришедшему с просьбой срочно прийти. Каково было моё удивление, когда я увидел её в пространстве резко открытой двери, разом «обслуживающую» двоих, которые, в пылу страсти, лупили её по голому телу тапочками и мочалками. Подобные увеселения меня не интересовали и, развернувшись, потопал обратно. Вдруг что-то резануло чем-то вспомнившимся. По уголовным понятиям помочь проститутке я не мог, мог лишь избавить от избиений и надругательств, забрав её для себя в отдельный кабинет, тем самым сбив очерёдность, что и сделал, «заняв» до конца вечера, пока всё не рассосалось. Девушка все эти несколько часов (по всей видимости, это был один из первых её «выездов») рыдала со всхлипами и вся дрожала. И засну-

ла прямо на столе, под моим плащом. Сигаретный дым слегка успокоил, а горячий чай с несколькими граммами водки согрел не только горевшее от ушибов тело, но и душу.

К тому времени меня уже начали уважать, и было за что, многие недолюбливали за неприятие образа жизни и имиджа сильного мира сего с пистолетом наперевес – воспитание не позволяло, да и гены, знаете ли... Больно они сделали не только ей, прекрасно понимая эту часть моего характера, зная, что полезу заступаться, затем и позвали.

Путанила ли она до нашей первой встречи – неважно, Инна оказалась здесь, сделав выбор, зная о постоянно повторяющихся подобных мероприятиях и вообще о не лёгкой, но, как ей казалось, доходной жизни. Она, упавшая, и я, стоящий на краю бездны, но ещё не открывший счёт и даже ещё не попавший на удочку безысходности, а приводить этот план в жизнь, разработанный Гусятинским, станут именно «лианозовские» и именно Юра «Усатый», особенно любивший уколоть меня интеллигентностью и отличавшимися нравами, о чём в своё время пожалеет, хотя умысла мести у меня никогда не было, была лишь лёгкая неприязнь. Предоставив ей ночлег, съездил с утра в сутенёрскую контору и, с помощью известного аргумента с диаметром ствола 9 мм, забрал документы, вещи и клятвенно обещал вернуться, если к ней появятся какие-то претензии. Свобода для неё была получена вместе с симпатией присутствующего при этом весёлого женского коллектива. Дальнейшая жизнь зависела

полностью от самой Инны.

Мы попрощались на Ленинградском вокзале и расстались навсегда, просто с некоторой долей симпатии и благодарностью друг другу. Небольшая, но достаточная на месяц сумма, думаю, помогла ей занять шанс начать другую жизнь, но моя стала уверенно набирать скорость, катясь ближе к пропасти. Мой анабасис («восхождение») начинался с падения, и если у Ксенофонта с боевыми товарищами он был возвращением, предварённым службой вдалеке от Родины чужому царю персов, то для меня оказался, в конечном итоге, возрождением или, точнее, рождением заново, хотя и много позже этого дня.

Очередной вызов к Григорию в один из офисов, как раз на 5-й Кожуховской улице, в квартале от моего места прописки, где я жить, по понятным причинам, не мог, окончился новой задачей. Меня познакомили с Николаем, признавшим за собой долг в 60 миллионов рублей и обязавшимся вернуть 100 – всё в соответствии с договором, заключённым полгода назад с братом Гусятинского Виктором, коммерсантом. Короткий разговор с молодым человеком и интуиция подсказывали, что он не лжёт. Степень контроля была определена как постоянно личная. То есть я или мои парни должны были находиться всегда рядом, все 24 часа. Он – бывший морской офицер, капитан-лейтенант, мы даже нашли общих знакомых. Слабостью его оказался алкоголь, а сильной стороной – молодая и привлекательная супруга, очень обрадовавшая-

ся нашему присутствию и успокоению любовными утешами с одним из нас, причём не скрывая этого от мужа, к чему последний, странным образом был равнодушен, как оказалось, из-за физической неспособности выполнять супружеский долг и радовавшийся хотя бы редким её присутствием рядом с собой. Я считал это не полезным, но и худого для дела не видел. Моральная сторона дела была, как минимум, неуместна, а как максимум – лежала на совести похотливой женщины. Сам же я полагал и полагаю ниже своего достоинства спать с чужими жёнами, хотя многие из моих знакомых считают это предрассудками. Но мне кажется, что среди свободных и неохваченных достаточно привлекательных и желанных особ, а разрушать чью-то, пусть даже не крепкую ячейку вряд ли стоит.

Правда люди, прочитав вышесказанное, особенно женщины, имеют право напомнить мне об изменах жене. И тут правда ваша! Не стану оправдываться, говоря, что чужая и своя семьи вообще понятия разные. Но скажу следующее: всё было хорошо, пока многое зависело от меня. Однако как только обстоятельства и безопасность жены и ребёнка и моей жизни поменялись, всё стало с ног на голову, особенно, когда случаются моменты, говорящие о близости возможной смерти, когда начинаешь как бы специально отстранять себя от них, абстрагируясь вообще от близкого и привычного мира. Можете мне поверить, я много раз перебарывал себя. И ещё раз скажу: когда всё хорошо и не чувствуется чьего-то

дыхания в спину, а такое время бывало у меня не раз – разные семьи, разное к ним отношение и разная привязанность. Да, я был счастлив, но сам же это счастье поломал дважды! Сам же поставил крест на двух семьях, испытал и испытывая боль не только сам, но и причинив её этим двум замечательным женщинам и нашим детям!

Иногда, кажется, что всё, чего я касаюсь, превращается в пепел!!!

С этой же четой, Николаем и Анжелой, мы поменяли три квартиры и, ввиду наших честных отношений и взаимодоверия, одна квартира была моего знакомого. Суть всего заключалась в том, что Коля мог (и всё для этого делал) взять у своих приятелей кредит раз в 10 больше своего долга нам. Мне была поставлена задача взять нам причитающееся с обещанными процентами, о большей возможности я помалкивал, зная, что аппетит растёт во время еды. Деньги деньгами, комфорт комфортом, но жадность и несправедливость всегда отзываются такой же неблагодарностью. Я присутствовал на всех встречах, все проходило не так быстро и гладко, как хотелось, приходилось кого-то подключать из своих бывших сослуживцев и друзей и даже входить в какие-то траты, тем более что и содержание, хоть и частично возмещаемое профсоюзом, всё же получалось накладным. Но были надежды на вознаграждение, которые оправдались. В жизни до этого не посещал стольких банков, офисов, нотариальных контор и, надо отдать должное нашему визави, он нигде ни разу не об-

молвился о нас плохо – может быть без нас не воплотилась бы его надежда на получение громадного кредита, а может, признанный им долг по его моральным принципам должен был быть отдан, несмотря ни на что, в отличие от многих в то время. Знакомые, товарищи, да что там – друзья и родственники просили займы и, получая желаемое без процентов, заранее знали, что не отдадут.

Все это порождает соответствующее отношение, и нас, и подобных нам буквально уже силой тащили забирать долги. Почему силой? Да потому что даже за 50% это было не всегда выгодно, а часто и опасно. Далеко не всегда игра стоила свеч, и часто должники шли в милицию и устраивали маскарад. Кто-то обращался к нам подобным, пытаясь выиграть на проценте, а кто-то прятался, появляясь лишь с окончанием денег, становясь перед лицом уже не решаемых проблем, принимая на себя ушат ненависти и злобы от тех, кто их искал и хотел получить должное. В случае обращения могли сделать проще – на первой же встрече с заёмщиком забирали всё, что можно было забрать из имеющего хоть какую-нибудь цену, по возможности ехали домой и добирали у опешившего и не ожидавшего, что с ним кто-то может поступить так же, как поступил он со своим займодавцем. Характерно, что за отобранным, для обмена залога на живые деньги, возвращались крайне редко, и дававшему займы приходилось довольствоваться тем, что удавалось быстро «сплавить», но, как правило, и здесь все были довольны, потому что слово

своё держали, и отдаваемого была действительно половина, хотя, может, не самая лучшая.

Чаще мы брались за крупные сделки, «решение» которых сопровождалось «стрелками» и «качелями», которые вполне могли закончиться, как я уже писал, войнами разных масштабов, и часто ими заканчивались. Обратившийся крупный делец обычно становился нашим подопечным, к чему прикладывались невероятные усилия. Имеющиеся проблемы гипертрофировались в его глазах, и если возврата полностью не получалось (бывало и такое), то устраивался спектакль в его присутствии, с перестрелками и погонями, и возможно, по необходимости, с якобы трупами в багажниках. Увидев всё это и почувствовав на своей шкуре и страх и уже кровь, но более всего – желание себя защитить, потихоньку убеждался в нашей необходимости и без нас чувствовал себя будто вне крепости. То, что ему возвращалось, хоть и нередко меньшая часть, чем была по договорённости, но всё же она грела душу, плюс ещё пара созданных специально для него ситуаций, вкуче со «смежниками», и он становился нашим, что при разумном подходе приносило и пользу и дивиденды, но что было, надо с грустью заметить, далеко не всегда. От своей жадности и недалёковидности наши зрячие ведущие часто не только губили доходный бизнес, но, пардон, и «курочек», несущих золотые яйца.

Итак, переговоры под нашим с Николаем совместным предводительством, длились долго: где отказывали, где мо-

тивировали несвоевременностью, но уверенность оставалась, и бывший офицер, все с большей энергией начинавший каждый последующий день, наконец наткнулся на искомое. Один из банков его знакомых дал согласие, разумеется, с безумным «откатом», но его это не волновало. Уверовав в себя и в свои таланты, он доказывал, что ему хватит и десятой части кредита, чтобы организовать и развить свой бизнес, во что я не очень-то верил – ведь наши денежки, которые мы старались сейчас получить, развеялись у него, как в поле дым, так и не дойдя до товаров, но это уже не моя забота.

Наконец, банк разродился. Все служащие без исключения, с которыми мы встречались, в том числе и второе лицо этого заведения, были бывшими «конторскими», которые «бывшими» никогда не бывают. Комитетовский банк – это на меня произвело впечатление, и я присутствовал на переговорах, с большим удовольствием вслушиваясь в каждое слово и каждое движение с перекатами и переходами столь знакомой манеры общения. На третий раз всё было подписано, оставалось забрать деньги в назначенный день и час. Территориально это было в районе ТАСС, место с узкими улочками, что могло быть как спасением, так и ловушкой. Подходил экстремальный момент, так как «хлопают» обычно на передаче, как основном доказательстве преступления (хотя о преступлении здесь речи не идёт), даже несмотря на то, что брали мы своё и только свою часть.

Всё это отягчилось семейным скандалом из-за того, что Коля, почувствовав себя миллионером, объявил супругу шлюхой, что неудивительно и, главное, справедливо. Конфликт дошёл до мордобоя. Анжелика бросилась к новому возлюбленному за помощью, который, в свою очередь, вообще не понял, чего от него хотят, потому что уже успел стать, выпивая каждый вечер с её мужем на брудершафт, его закадычным другом. В результате всё, что могло достаться из тумачков, досталось взбесившейся фурии, с конечным Колиным обещанием возместить все побои и оскорбления, которое, вылилось в десятую часть от кредита. Сделку обмывали втроём три последующих дня с продолжением затрещин от мужа, дабы оправдать и сделать приятными надвигающиеся затраты.

На отход мы разработали пару схемок, в результате которых два чемодана, большой и очень большой, из пяти полностью набитых купюрами разных достоинств, в основном крупных, должны были побывать в трех машинах и благополучно оказаться собственностью того, кто будет решать, кому из нас сколько, остальное увозил сам Коля. Создав несколько заторов и две лёгких аварии, проскочив три арки и пересыпав содержимое из чемоданов чужих в свои, я, с греющей душу и тело ношей, стоял через пару часов у двери дома Гусятинского.

Меня прохватил столбняк, когда все деньги вывалили на пол – никогда до того не видел их в таком количестве. Даже

последующие, в том числе принадлежащие лично мне, стопки денег не производили такого впечатления.

Забрав причитающуюся моей команде сумму и не послушав Григория, посоветовавшего располовинить и одну часть забрать себе, а другую раздать моим парням, поехал на честную делёжку, выразившись, конечно, не совсем в равных долях, но каждому по заслугам. Трое получили одинаковую сумму, а остальные пять – не больше тридцати процентов от максимальной.

«Шарап», мой близкий на тот период человек, тот самый, с которым мы работали в ЦДТ, сразу купил на всю сумму «Порше-911» нежно-голубого цвета – не думайте, что новый, и не за номинальную стоимость этой машины, но равную цене двух новых жигулей. Кто-то промотал, кто-то оделся, или также заимел «колёса», но попроще. Я же убил всё на семью, подарив Ольге гордость, как минимум, на год – обалденную по красоте и цене длинную дублёнку, отороченную по краям мехом, и ещё кое-что, блестящее и сверкающее. Правда, чаще мы от этого встречаться не стали. Я же обрёл первую новую фамилию – Титов. Если бы я знал, насколько не последнюю...

Наконец-то я смог снять более-менее приличную однокомнатную квартиру, светлую и чистую, и даже был рад отсутствию штор – так она казалась больше, окна ослепляли своей непривычной чистотой. Но это длилось недолго, скоро вошло в привычку всегда их плотно занавешивать и никогда

не открывать. Новых правил была масса, они касались всего: места постановки машины и периодического наблюдения за ней, выноса мусора, предпочтения света торшера «большому» свету, совершенной тишины и так далее – в общем, всему тому, что обеспечивало большую безопасность, а заодно и давало возможность отдыхать всем пяти чувствам, концентрироваться и собирать все мысли в одну необходимую точку. Это бесило появившуюся в своё время юную женщину, которая означала для меня всё и вся. Эти правила налагали на неё неподъемный крест, усиливая его непониманием и необходимостью всех предосторожностей. Любовь к свету, открытым окнам, мягкому, но шумовому фону и всему человеческому иногда ставила преграды в нашем общении, но, раз впустив её в свою жизнь и своё сердце, я был вынужден с этих пор думать не только о своей, но и её безопасности, что заставляло соблюдать правила без их объяснений, прибегая к хитрости, увёрткам, и всяким другим ненужным нагромождениям опутанной ложью жизни. Но светлый стержень, пронизывающий насквозь все эти темные стороны, всё же был – безусловное, бескомпромиссное и бесконечное чувство!

Я врал, врал, врал, что не могло хорошо сказываться на слиянии наших душ, ибо отношения с примесью неправды всегда ущербны, и в конечности своей – несчастны. Поэтому фейерверки и внутренние взрывы случались с нередкой периодичностью и своей прелестью бурных перемирий и про-

должительного спокойствия. С нашими чувствами всегда соседствовали не только дух взаимного магнетизма, но и дух самого по себе живущего противоречия. Терпению этой мужественной леди с горделивой осанкой и стойким взглядом не было конца, как чувствам, так и вынужденному доверию и надежде на когда-нибудь заключённый брак, ребенка и семью с постоянной, СВОЕЙ, а не съёмной и часто меняющейся квартирой.

* * *

Но вернёмся к Николаю. Он, получив гораздо бóльшую часть кредита, чем мы, начал с покупки машин, мебели, снятия офиса, то есть того, с чего начинают все дилетанты, уверенные, что деньги липнут к деньгам сами по себе. У Анжелы появилась BMW-5 с молоденьким, смазливym водителем, муж же не вылезал из кабаков. Вложив всё же некоторую сумму в нами предложенное дело он некоторое время продержался и даже был способен отдавать процент за кредит, но растраты в разы превышали возможности и, в конце концов, с оборота ему просто стали отдавать его долю, разумеется, без контроля становившуюся всё меньше и меньше, потому что зарабатывает лишь тот, кто работает. В результате на кредите, взятом им, нажились все, кто угодно, начиная от банковско-конторских и заканчивая нами, но не чета Коля-Анжела.

Григорий неоднократно высказывал мне своё недовольство в связи с замолчанной мною суммой фактического кредита, ссылаясь на то, что он «сгорел» не в наших карманах, а какого-то пьяницы. Полагаю, скажи я ему вовремя полную сумму, Николаю досталась бы десятая часть, а не восемь десятых кредита, по праву ему принадлежащая. Года через два его жену я видел из окна своей машины, едущую в трамвае, и не скажу, что вид у неё был счастливый. Всем даётся шанс, но не все его видят, а большинство думает, что это не шанс, а выигрышный билет навсегда, то есть до конца жизни! Так представлялось и нам, когда поднималось наше положение и благополучие, укреплялась и уверенность, что подобное положение дел может оборвать только смерть. И каждый из нас делал все, чтобы отложить встречу с этой барышней на как можно больший срок. Но из-за большого чувства юмора она не всех предупреждает о своём прибытии, как правило, несвоевременном, и её коса бесшумно обрезает жизненную нить, не задумываясь о молодости, крепости, монументальности положения в жизни и состоятельности. А лик её – не лицо молодой женщины или старухи, а бездонная и бесконечная пропасть для нашего брата, которому обязательно когда-нибудь придётся взглянуть в него, чтобы уткнуться взглядом в бурлящую, зловонную жижу ада! Но... Есть путь ко спасению, а жизнь человеческая, проходит одним из двух путей, и оба через грех: один с радостью ему, другой в борьбе и сопротивлении – третьего не дано. Первый понав-

ший в рай человек был закоренелый убийца и преступник, имя этого распятого со Христом мы не знаем, но очевидно одно – покаявшийся был прощён, а его анабасис к этому был мгновенен, и именно к такому, самому чистому, стремятся люди, выбравшие своей дорогой путь к свету.

Это тяжёлая дорога, ибо: «В раю не распятых нет».

«Дворман-шоу»

Иногда я встречался с друзьями детства – это отдельная страница моей жизни. Пропадая на 2–3 года из их поля видимости, но появившись вдруг, всегда встречал радость неподдельную и радушие. Но, как оказалось, у каждого человека есть своя цена, как и свой крест, которые он несет, и это не обязательно понятие меркантильное. Но всегда может помочь страх – именно он определяет эту планку. И если есть что-то ценное и дорогое для сердца человека: родные, близкие, друзья и, конечно, дети, жена, родители – то люди, желающие скрутить вас в жгут и разорвать на части, таким образом добиваясь от вас своей цели, не важно какой, даже, может быть, законной и благозвучной, найдут слабую точку именно в них и определяют её стоимость!

Тем более что вы сами, ничего не подразумевая, расскажете о ней, к примеру, говоря о ком-то тепло и влюблено, – им же остаётся лишь слушать, запоминать и делать выводы.

В то время мы, бывшие когда-то в детстве игроками футбольного клуба СДЮШОР ЦСКА, встречались или рано утром в ФЛК ЦСКА, играя полтора часа, заканчивая лёгким завтраком и кружечкой чешского, или меня приглашали, и отказываться было сложно, в гостиницу «Космос» играть в боулинг. Встречи были не чаще раза в неделю, а катание шаров и того реже – раз или два в месяц.

После очередного сбивания кеглей мы попрощались, и друзья разъехались на своих «меринах» – оба работали в иностранной фирме, и заботились о них хорошо, так как берегли они непосредственно тело шефа. Не успел я доехать до дома и поставить чайник, как позвонил Слава, и мы опять встретились у нижнего входа в упоминаемый отель. Отъехать далеко ребята не успели, что-то показалось подозрительным, и после обследования багажников, а они только что вернулись, пригнав эти машины из Германии («под себя» на фирму), полностью забитыми разными нужностями от раций и газовых баллончиков до дорогих шмоток, ручек и кожаной галантереи. Всё пропало, словно было миражом. Немного порасспрашивав охранников, работников гостиницы и стоянки около неё, выяснили, что это дело рук человека, которого они не раз выручали, оказавшегося крайне непорядочным и до тупости жадным. Мало того, что он всё перегрузил на виду у людей из их багажника в свой, но и попросил помочь охранника, который хорошо знал всех троих, ничем не поблагодарив его ни за помощь, ни за молчание – так сказать, присущие господам «Двормонам» черты.

Когда я подъехал, а подъехал я не один, а с неразлучными тогда Шарапом и Ушастым, – не только крепкими, но и веселыми парнями, почти всегда понимавшими, что и когда делать. Немного подумав и прочитав бумагу об отказе принятия заявления о краже личного имущества граждан, выданное в милиции, другого выхода мы не видели, кроме как

самим «распотрошить» комбинатора на вольных хлебах, который в данный момент «облизывал», причем, судя по всему, удачно, пару каких-то иностранцев, отдыхающих на банкете в ресторане гостиницы. Подождав, пока нечто ценное переключается из пиджаков гостей столицы в карманы кудрявого, немолодого, с ярко выраженными семитскими чертами человека, мы встретили его у кузова принадлежащего ему mercedes-benz 123, вежливо поинтересовавшись, не хочет ли он отдать сам то, что ему не принадлежит. Поскольку мы были только втроем, пока без моих друзей, а принадлежащего не ему было полмашины и половина находящегося в карманах верхней одежды, то, чтобы не ошибиться, он ответил таким же вежливым отказом. Благодаря сей осторожности, господин сразу оказался в багажнике своей машины вместе с украденным, дабы у него появилась возможность поразмыслить и одуматься. Нам нужно было только своё, и пока без процентов. Немного покатавшись, господин жадина пожелал пересесть на более удобное заднее сиденье и стал как скряга, но осторожно выпытывать: «А что собственно случилось?».

Поразительный тип! Поняв, что попал, как кур в ощиц, он продолжил прикидываться придурком, чем только набавлял проценты на нашу чистую прибыль. Через полтора часа наше терпение лопнуло и стало выражаться опухолью на одной стороне его артистического лица. Дима бил аккуратно, но точно. Вдруг его заплывший глаз, по-видимому, прозрел «третьим оком», и он воочию увидел грустную картину

своей перспективы в случае продолжения отпирательства. Чистосердечное признание и предложение вернуть половину сейчас, а половину после приезда из Штатов, куда он собрался через неделю, облегчили его участь, как всегда это бывает, но от его наглости отдать не всё и не сразу разожглись уже наши аппетиты. Помните дети: «спички не всегда игрушки», а «чистуха» (чистосердечное признание) – не всегда панацея. Дворман долго упирался, не называя своего адреса, но мы, неожиданно для него, умели читать и оказались настолько сообразительны, что взглянули на оттиск штампа в прописке его паспорта. И чудо! Пока его отпаивали его же виски, а сами пили мерзкий кофе, правда, с конфетами и коньяком, нам открывались всё новые и новые тайны его жадности и скупости. Всё более-менее ценное было аккуратно сложено и переписано, так как должно было быть возвращено, за исключением наших интересов и собственности моих друзей, погружено в его машину, и с обещанием встретиться с его «крышей», мы убрались восвояси. Однако встреча с людьми, его прикрывающими, сулила потерю части, с нашей точки зрения, честно приобретённого имущества, что, в принципе, было нормой, это называлось «отработанное не возвращается, ну если только часть – из-за большого уважения к соратникам по цеху!»

Первая «стрелка» не привела ни к чему. Следующая, уже организованная на серьезном уровне с участием с противоположной стороны «Захара», с нашей – Олега Пылёва и ку-

чи бойцов с обеих. Вражды не было, поэтому всё проходило в мирной, открытой и понятной атмосфере, что предполагало пусть небольшое, но обоюдное обогащение. Мы уже почти месяц гоняли на и без того уже ушатанном корыте типа «Дворман-бенц» и были удовлетворены – и мы втроём, и мои друзья. Всё, что мы могли вернуть, это телевизор, пару магнитофонов и какую-то картину в обшарпанной раме, явно неизвестного и неважного художника-мариниста. Всё остальное – «фьють!», что и было одобрено за долю малую «главшпанами». Разумеется, машина тоже была уже не нужна. Заведомо договорившись, что месье Дворман напишет список у него взятого и оценит каждую вещь. У нас было принято перед любой встречей обговаривать план действий, и это предложение со списком имело свои подводные камни. Разумеется, мошенник по крови, а по имиджу – беженец и жадина по натуре, он отмахал, как зубной врач в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» не двойную, а тройную цену всего, что мы взяли. «Захар» посмотрел, пожал плечами и передал Олегу со словами: «Смотрите сами, братуха, думаю, на половине возврата сойдемся». Братуха посмотрел на внушительную сумму, где телевизор, выдавший виду, был оценен как мерседес, а мерседес... Но он согласился и перешёл к дальнейшему обсуждению.

Ликованию составителя списка не было предела, он уже приплясывал у своего рыдвана, не зная, конечно, что это уже рыдван, и видя салон, забитый своими вещами, с гордостью

смотрел на нас обеими глазами, показывая, что и с опухолью справился, и нас «проглотил». Уважаемым собранием было постановлено: отдать всё возможное, что когда-то принадлежало борцу за своё и часто чужое, но при обязательстве возместить половину за возвращённое дензнаками, дабы «отработавших», то есть нас, честных участников «профсоюза», не оставить без хлеба! Все были рады, пока до Двормана не дошло понимание шутки, которую с ним сыграла его жадность. Ему вернули хлам, а возместить он должен был 50% стоимости им самим же оценённой рухляди. По цене, конечно, нового. Тут он охнул, ахнул, метнулся к одним, вторым, но было поздно. Все получили свою, заранее определенную долю. Ну, а так-то... Жадность – не порок!

Правда, справедливости ради, нужно сказать, что от причитавшегося нам досталась только одна треть, но с лихвой всё окупившая. Остальное ушло на «общак» и мифические «воровские» два закрома, никогда не наполняющиеся и всегда пополняемые, бережно хранимые и святые. На поверку дня, не имеющие краёв только по одной причине – потому что не уходили дальше карманов наших «главшпанов», хотя, по всей видимости, были и исключения, чему однажды и я был свидетелем. Откровенно говоря, не вижу ничего в том плохого, и рад был поддерживать то, во что действительно верил и считал нужным – помощь людям, находящимся в заключении.

Забегая вперёд, могу сказать, что наш «общак» в основ-

ной сумме постоянно расходился по кошелькам или на нужды троих, а после смерти Григория – двоих братьев Пылёвых. Один лишь раз, будучи уже принятым в пятёрку «равных», я осмелился попросить помощи в размере 200 тысяч долларов, чтобы не погубить контракт покупки дома в Марбелье. Ах, какой игрушечный домик в горах, с выдолбленным в горной породе теннисным кортом и видом на Гибралтар сквозь туманные гущи, мог бы у меня быть! Половина уже была внесена, а вторую часть я, не рассчитав, потратил, на что Андрюша сказал: «Как же я тебе дам, когда тебе нечем прогарантировать?», – чем сбил меня не только с мысли, но и убедил в отсутствии не только коммерческой жилки, но и деловой хватки обоих братьев. Дважды спасая им жизнь (в первый раз в намечавшемся противоборстве с Гусятинским, второй – в противостоянии с «лианозовскими» Юрой «Усатым» и Женьком), выполняя архиважные и тонкие поручения, являясь, как выяснилось, броневым щитом в их психологическом давлении на массы, и прочее, и прочее, и прочее... Какие гарантии можно было от меня ещё требовать из-за каких-то 200 тысяч, когда в общаке на тот период, по самым минимальным подсчётам, должно было находиться от 15 до 20 миллионов долларов? Разумеется, о том, что трогать эту сумму нельзя, разговора не могло быть, так как более разумно и рационально, как принято у цивилизованных преступников, помогать из процентов, которые даёт эта сумма, находясь, к примеру, на счетах в банках. Но большинство из

участников нашей «бригады» получало тысячу-две долларов в месяц. Правда, не буду гневить Бога, с 1996 года у меня выходило от 50 до 70 тысяч долларов в месяц (большая разница с Гришиной «благодарностью» в 2–3 тысячи), но к 1999 году упало до 10 тысяч, что тоже, в принципе, было неплохо, но для затрат на работу и проживание недостаточно. Какие-то суммы, помимо моей «зарплаты», на технику, машину и зарплату ребятам выдавались, но, разумеется, недостаточные и, конечно, всё реже и всё меньше, а моё нелегальное положение в «бегах» всё продолжалось, что требовало своих затрат и на документы, и на постоянные переезды, и на смены автотранспорта, и на так далее. К 2000 году закат был близок, я это чувствовал и становился всё осторожнее, но это более поздняя песня.

* * *

Постепенно, всё происходящее втягивало, но совершенно странно не давало ощущения криминальной трясины: возвращали действительно своё, что не получалось официально из-за пока ещё несовершенных законов, мало того, грозило заключением под стражу, причём милиционеры, всё понимая, только разводили руками. Коммерсанты, которые с нами работали, были, в принципе, довольны. Редкие всплески насилия носили повсеместный характер и чаще были, скорее, завуалированного, подпольного характера и, в основ-

ном, между группировками и с силовиками, потихоньку набиравшими силы, власть и понимание своего, возрастающего могущества. Пока еще понятие «наши милиционеры» было применимо и, фактически, соответствовало истине, но появлялись очаги, которые были с этим не согласны, хотя и они со временем скоррумпировались и скооперировались, скажем, как «чеченцы» и ОМОН, или как «Измайловские» и РУОП. Но эти вещи несопоставимы в своём применении, так как вторые только пользовались своими связями, а кавказцы, уж совсем непонятно на каких принципах основываясь, часто предъявляли на встречах вместо себя отряд милиции особого назначения. Честь и хвала правоохранителям, которые так решали некоторые свои рабочие моменты для утверждения законности – с их позиции и точки зрения всё понятно и рационально, но не тем, кто назвал себя «порядочными людьми» в преступном мире.

Хотя к тому времени этот мир также начал претерпевать бурные изменения. Нередко люди, находящиеся на самом вершине иерархии криминалитета, бывшие элитой, идеалом, теми, кто, как говорится, «шёл впереди» и показывал, «как надо», давали команду своим подопечным «валить себе подобных» вместо того, чтобы решать это цивилизованным путём на своих корпоративных встречах – «воровских сходках». Причины были понятны – столкновение стратегических интересов, объема и масштаба которых раньше и представить себе было невозможно, цены вопросов были несрав-

нимы ни с чем, в одиночку «поднять» их было тяжко, а когда поднимали, понимали, что жадно. Или, наоборот, было так много, что одному удержать невозможно, поделиться недопустимо, а ведь лезут.

Здесь же была разница, причем существенная, в получении сана и в направлении действия – кто-то «облачался короной» за объявленную мзду, а кто-то шёл к этому с «малолетки», проходя тяжелейшие испытания, теряя здоровье и накапливая авторитет и вес скрипя зубами, делая это не ради будущих льгот или возможностей, а ради поддержания старых традиций и видя в том свой жизненный путь.

В такой ситуации складываются оптимальные условия для работы контрразведки и ФСБ и иже с ними. Не понимая этого, небольшими и, казалось бы, ничего не значащими движениями, они поддерживали нужные ниточки и часто получали желаемое, медленно, но верно позволяя преступному миру загонять себя же в управляемый загон – очередной пример применения древнего изречения «разделяй и властвуй». Банально, но работает.

Тут-то я и встретил одного старого знакомого, приезжавшего в мою бытность курсантом в наше училище. Обычно их называли «покупателями», но покупал он не задёшево и не обязательно самых лучших, но по только ему одному понятным параметрам. С ним я тоже имел беседу, закончившуюся словами «хорошо, ждите», как мне показалось, ничего не значащими. Через столько лет я уже и забыл о нём.

Думаю, наша встреча теперь была не случайна, хотя и представлялась невероятной, ведь тот момент был моментом моего «одионого плавания», когда прошло почти семь лет от последней встречи, и подчинялся я уже только Грише и с ним одним общался. Вообще, совпадений (а я в них не верю – опыт не позволяет) была масса, и все они приводили к нестандартным решениям: то, как в подборе моего коллектива, к нужным людям, то к продавцам оружия, то к необходимым административным ресурсам в силовых структурах, то к людям, имеющим отношение к спецтехнике. Иногда даже мне казалось, что я лишь двойник, а ведущий, знающий обо мне больше меня, выстраивает моё окружение заведомо под нужные ему задачи. Кстати, этот же «покупатель», как оказалось впоследствии, знал и Григория и ещё троих (может быть, не лично) из тех, с кем был знаком я и с кем меня свели, словно передавая по очереди как меня им, так и их мне. Все они были офицерами либо ГРУ, либо КГБ, либо ВДВ, либо просто обладали специальными навыками. Конечно, это лишь мои намётки, но... факты и логика вещи упрямые.

Жизнь была очень насыщена и суетлива, мысли не успевали углубляться дальше необходимого для ее сохранения, конечно, высокие темы не затрагивались, но что-то изнутри тихо, слабо пыталось сказать... Я же не слышал, даже не мог расслышать, и откидывал это маленькое неудобство. Чем бы закончилось, не знаю, ведь это был голос совести. Заставь

я себя захотеть, возможно, понял бы, что подошёл к самой границе, возврата из-за которой уже не будет, но это всегда, если нет наставника, незаметно. Потихоньку многое принятое в этом обществе становится и для тебя нормой. Точно так же, как то, что всего 100 лет назад казалось невозможным в поведении, в принципах, характере, сейчас очень даже допустимо, приветствуется, а то и воспевается. Полнейшая беспринципность, вседозволенность, вседоступность, возможность оправдать всё – были бы деньги. Что раньше хранили, на что молились и что было моральной нормой, сейчас считается чуть ли не предрассудками.

Так же тихонько и незаметно и я подошёл к краю, только за более короткий промежуток времени, и не хватало всего чуть. И это «чуть» вдруг ослепило и обожгло меня, отбросив в пустыню духовной пустоты, одиночества, холода, откуда выхода, казалось, нет – выхода третьего, когда их всего два. Когда на весах две чаши, и предстоит выбрать либо правую, либо левую, и ты прекрасно понимаешь, что выбрать придётся, и придётся уже сейчас! И этот выбор мучает тебя с наслаждением, показывая всё, что ждёт, если выберёшь не то. И ты постепенно понимаешь, что направо пойти не можешь, а налево в принципе нельзя. И вот он, апогей наслаждения: богиня, держащая весы, но в этом случае явно не Фемида, – с открытыми глазами, волосами в виде змей и изрыгающая зловонные проклятья. И ты отталкиваешься не от хорошего или плохого, а от того, кто ты (либо

тот, кто есть, либо лишь тот, каким хотел бы, чтобы тебя видели окружающие). И ты понимаешь, что рождён мужчиной, и стал, прежде всего, мужем и отцом, и лишь потом – почти законопослушным гражданином.

Уже на суде, в одной из своих речей, обращаясь к присяжным заседателям, я постарался как можно очевидней и жестче поставить их перед виртуальным выбором, который, в своё время, встал передо мной: что бы выбрали они – убить чужого, незнакомого человека, обеспечив безопасность своей семьи и своей жизни, пусть даже этот выбор встал перед тобой из-за твоих необдуманных действий, или пожертвовать семьей? Я обращался только к мужчинам, заведомо безошибочно полагая, что подобное спрашивать у женщин в отношении их детей – значит проявить неуважение к их материнским чувствам. Ответом, кажется, было немое согласие в невозможности другого выбора, и это была одна из причин конечного итога, выразившегося в «снисхождении» по отношению ко мне.

Да и о чём тут можно говорить – всё и так понятно, хотя это первый шаг, позволяющий лишь временно уйти от проблемы, «а дальше будет видно», сегодня выход не только найден, но сделан, и трезво оценивая ситуацию, понимаешь, что он верный. Если бы хоть откуда-то можно было ждать помощи, если была бы хоть какая-то гарантия, возможно, я поставил бы на другую чашу, но... Краток, быстр и слеп путь падения, тяжело, длинно и мучительно восхождение – и от осо-

знания содеянного и от невозможности оставить это в прошлом или изменить.

И вот о чем речь.

Случилось так, что вопрос о ЧОПе вновь обрёл актуальность, чему я несказанно обрадовался и чего так долго ждал. Мы фотографировались на документы, даже прошли какую-то фиктивную учёбу, правда, я – под другой фамилией. Пока, как мне говорили, проблема и яйца выеденного не стоит. Но суд прошёл, а меня всё пугали, проверить я не мог по понятным причинам и просто ждал, полностью завися от своего «начальства». Возможно, я и пошёл бы, сдаваться, ведь кроме того, что та злосчастная квартира, где находился заложник и обезличенное оружие, была снята на мой паспорт, больше ничего на мне не «висело»: никто меня не видел, не давал обо мне и моём участии показаний.

На деле же, о чём я узнал гораздо позже, опасности никакой не было. Григорий лишь искусственно создавал видимость проблемы, заведомо ставя меня в рамки нужного ему пути. Он искусственно зашорил нужного ему человека, оставалось лишь сделать последний шаг, чтобы «рыбка» поняла, в чьём подсачнике находится. Для этого он выбрал «лианозовских» с «Усатым» во главе. И я до сих пор не могу понять, был ли у меня шанс выйти сухим из воды, но, по-моему, даже минимального не было.

Мы, разумеется иногда ездили в тир, где, конечно, я не сдерживался и был намного лучше всех (хотя немудрено

быть лучшим среди непрофессионалов), понятно, что разбирался в оружии, был хоть и дерзок, но спокойно расчётлив, был умнее, интеллектуальнее и, что очень важно, терпеливее многих (прошу прощения за панегирик себе, хотя и пока ещё живому). И теперь понятно, что это очень понравилось Гусятинскому, а скорее, и ещё кому-то. Исполнительность и дисциплинированность – тоже черты важные. На самом деле, понятно, что при прочих равных, я должен был выделяться среди других, это бросалось в глаза, и, наверное, нравилось мне самому, теща мою молодую гордыню. А не это ли слабое место, которое всегда губило любого, какими бы качествами он не обладал?

В общем, после одного обеда на Лефортовских кортах, мы повезли якобы оружие, закупленное для ЧОПа, причём меня совсем не удивило, что там были стволы, не имеющие шансов стать официальными. Кто помнит то время, подтвердит – эти агентства выполняли в самом начале своей деятельности разные задачи, и на всякий случай имели и «чёрные арсеналы», но везли, как представлялось, и уже лицензированные ПМы и помповые ружья.

Далее все как по нотам: ехали по МКАДу, вдруг Юра «Усатый» каким-то образом понял, что в городе много милиции, и решил перенести операцию по перевозу на завтра. В машине мы были вдвоём, первый автомобиль, который нас «прикрывал» по пути следования на постах ГАИ, исчез, что якобы его и напругло. Мы остановились, выбрав лучшее и

наиболее подходящее место с кустарником, где можно было спрятать сумку до завтрашнего дня. Туда я и потащил всё «железо», очень аккуратно и незаметно прикрыв его снятым дёрном. Помню чётко: ни одной машины, ни одного человека, кроме нас двоих, рядом, на видимом расстоянии, не было. Юра находился в машине на обочине, а всё происходящее – в ста метрах от него.

Какого же было моё удивление, когда на следующее утро в схроне не оказалось ничего! Наконец включилась давно ожидаемая, отработанная схема. Оружие я должен был вернуть в недельный срок, с одним условием: оно должно было быть тем же, иначе включался счётчик, о процентах которого я знал чётко одно – их никогда не отработать. Было понятно, что от меня захотят в обмен на реабилитацию (как глупо было тогда думать об одной лишь реабилитации) что-то, что я точно смогу дать. Путаясь в догадках и почему-то никак не предполагая это происшествие специально запланированным мероприятием, мне ничего не оставалось, как ждать. Пока были насмешки и подвешенное состояние на работе. Положение было похоже на положение изгоя в патовой ситуации.

И вдруг, составом в пять или шесть человек, во главе с Юрой, мы отправились в сторону Измайловского гостиничного комплекса, точнее, к бассейну «Дельфин». На этой же улице находился спорткомплекс. В течении двух часов мы обшарили всё строение, обходя его со всех сторон, побывав

на крыше и чердаке. Не совсем понятно, что искали и о чем думали. Меня это интересовало мало, потому что мое участие было минимальным. Обуревали совсем другие мысли, честно говоря. Мне казалось, что ребятки выбирали новый зал, осматривая его с точки зрения безопасности, а оказалось всё с точностью до наоборот. Вернувшись в Лианозово, я остро почувствовал напряжённость, повисшую в воздухе. Все часто курили, говорили полупшепотом и улыбались. Бачурин («Усатый») уходил звонить пару раз и приходил задумчивый. В конце концов его нервные струны лопнули, и он, допивая в кафетерии чай, словно невзначай вытащил наган с уже накрученным глушителем, положил перед собой и, посмотрев сначала на всех, на застывшие от неожиданности лица, потом вперился в меня.

Никогда я не предполагал от него возможности опасности. И сейчас, чувствуя его растерянность и не понимая того, что он делает, больше ожидал объяснений (причём, как казалось, не ко мне относящихся), чем какого-то выпада в мою сторону. Но он удивил всех и меня более остальных, выпалив: «Будешь делать ты!». Кажется, обжёгшая догадка, как расплавленный свинец из самого мозжечка прожгла всё моё нутро, на мгновение задержавшись в области солнечного сплетения, далее сожгла стул и перекрытие второго этажа и, как мне показалось, насквозь землю. Во рту пересохло, пульс участился, и какая-то удивительная надежда на то, что минует, оборвалась его словами: «Леха, тебе говорю». Я по-

нял, что внешне моей реакции видно не было, этому я обрадовался и попытался вытянуть, как можно больше, поинтересовавшись: «Что именно?», – чем ввёл его в совершенный коллапс. Он покраснел, затем побледнел, но ответил, наверное, убеждённый, что эта фраза мне объяснит всё: «Ну то, где мы были».

«А где мы были?» – я говорил, понимая, что надо глупить и затягивать как можно дольше, что бы вытянуть что-нибудь ещё. «Ну там, где надо сделать!» – он почти кричал, приподнимаясь со стула и явно не желая пересиливать себя для откровенности. Тут подключились ещё два человека, явно бывшие в курсе. Вряд ли кому-то нравится общественное давление, никогда для меня лично ничего не решавшее, стол был небольшой, револьвер рядом, и я этим воспользовался, но палить не стал, чем успокоил окружающих. Возможно, глупость была излишней, – это не те парни, нерешительность которых помогла спокойно уйти от Левона, возможно, они растягивали удовольствие. Все сели, уставившись на усы «Усамого», в том числе и он, сведя свои зрачки к переносице. Тихо произнёс: «Стрелять будешь ты, мы решили, как лучше сделать... Из этой “волыны”... Есть ещё пару десятков патронов. На всё – один месяц. Это... И не шути: “Иваныч” просил», – и высыпал на стол кучку длинных латунных гильз с полностью утопленными свинцовыми пулями. Я молчал, пока сказать было нечего, единственным возможным вариантом было выждать, вытягивая этим любую, воз-

можно, спасительную информацию. Не представляя, какая может быть реакция на отказ, попробовал лавировать: «Почему я?» – «У тебя лучше получится, и у тебя должок, а отдать ты вряд ли сможешь».

Теперь всё было расставлено на свои места. «Я подумаю», – ответил я. Но, уже вставая и бросая слова через плечо, «Усатый» предупредил, что мне дается один день, что за моей семьёй смотрят, и, соответственно, выйдет моя жена на панель или нет, зависит только от меня. Я уже видел, как его голова подаётся по ходу движения чуть вперёд, а из отверстия в коротко стриженном затылке выпячивается овалчик серого вещества, кровь же, хлынувшая из большего, выходного, окатила, стоящего перед ним «Бигмака». Но резко оседающее тело растворилось как туман, и дверь захлопнулась за обоими, совсем не пострадавшими. То была первая мысль, навеянная почудившимся «перестрелять всех», но кисть, сжавшая до боли рукоятку револьвера, даже не могла подняться, да и злоба уже затухала – не решит это ни проблем, ни создавшуюся ситуацию и не придаст спокойствия в будущей жизни. Я сидел, понимая сейчас своё бессилие. Всё внутри клокотало, после истории с сумкой я обдумал возможные варианты решения, но не этот. Единственный разумный ход – милиция... Но что сказать? Тем более тем, с кем каждую неделю парятся в бане те же Гриша и Юра? Крючок в виде розыска, долг в виде пропавшего оружия, а главное – то, чего я ожидать никак не мог – предъявленный мне

джокер в виде семьи, да ещё за которой наблюдают! Можно было предположить, что большая часть всего этого – блеф, но не хотелось оставлять даже маленькой толики ничтожным сомнениям, которые всегда превращаются в смертельные последствия. Я готов был ответить по-любому, но не ими.

Да, несколько раз я изменил жене, но чисто физиологически, без чувств и даже переживания за это, и был совершенно уверен, что мой первый, и единственный брак – навсегда. Я не мог допустить даже мысли о том, чтобы она пострадала из-за меня или хотя бы позволить в ее адрес какую-то угрозу, пусть призрачную.

Дома я не появлялся уже давно, встречались мы на снимаемых мною квартирах. Ни запасом денег, ни необходимой информацией я не обладал. «Положи» я их, «лианозовских», здесь, в бане, и ни от меня, ни от семьи мокрого места не останется.

Вернув наган, но помня о хранящемся в тайнике «макарове» Левона, смотря в глаза и стоя вплотную, я прошипел что-то типа: «Передайте Усатому, один раз я это сделаю, но как – скажу сам, а пока – расход». И, уже уходя: «Надеюсь, он хорошо подумал».

Решение было очевидно. Разумеется, я, как и писал ранее, выбрал чью-то жизнь, а не спокойствие и жизнь своей семьи, да и, чего греха таить, своей тоже, где-то в подсознании уже начав разделять судьбы – свою и их. Я не знал этого человека, да и знать не хотел, тем более мне было сказано,

что он такой же бандюган, то ли угрожавший, то ли подставивший «Сильвестра» – в любом случае, враг, и враг что-то предпринимающий.

Понятно, что в игре он был давно, ясно, на что шёл, и давно понял то, что я понял только сегодня – сделав подобное, возврата назад не будет. Размышления сопровождались ведением пути, который я прошёл незаметно, хоть и не легко, за последние полтора года, дорога была не наверх, и даже не ровная, а строго вниз, под откос. Отмеряя назад, шаг за шагом, я видел всё уже не в розовых очках, но в настоящем свете. Как это могло случиться со мной?! С потомственным офицером, желающим служить Родине и жизнь свою положить «за други своя»? Ведь, по сути, во мне ничего не поменялось, я остался прежним и хоть и допускал кое-что, чего раньше, будучи в форме, не допустил бы. Да!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.